

МИЧМАНЪ ПОЦѢЛУЕВЪ,

ИЛИ

ЖИВУЧИ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.

ГЛАВА 1.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Въ Полтавѣ, на площади передъ памятникомъ, стояль, вечернею порой, молоденькій офицеръ въ дорожномъ сюртукѣ на распашку и фуражкѣ. Онъ выставилъ одну ножку впередъ, окидывалъ бѣглымъ взоромъ памятникъ, то улыбался, то слегка призадумывался, и наконецъ, перемѣнивъ ногу и поднявъ правую руку, сказалъ вдохновенно:

И надъ тобой, о мирная Полтава,

Петра съ Россіей вѣковая слава

На полѣ ратномъ бранью
разразилась,
И воспаривъ орломъ...

и замолчалъ, споткнувшись о четвертую
риюму, которая какъ-то въ эту минуту не
далася.

Между тѣмъ, другой офицеръ,
худощавый, рослый, смуглый, съ
небольшою просѣдью на тридцатомъ году,
мѣрными шагами подходилъ по площади къ
тому же памятнику и остановился передъ
нимъ, по другую сторону. И это былъ
проѣзжій, но сюртукъ его застегнуть на всѣ
крючки и пуговицы; запыленные, мишурные
эполеты на плечахъ; пѣнковая трубка на
трехцвѣтномъ, черномъ, ранжевомъ и
бѣломъ, шнурѣ на шеѣ; дворянская медаль
на груди, дорожная сабля на отлетѣ и
пистолеть за портупеей. Выставивъ ногу на
цѣлый аршинъ впередъ, скрестивъ руки,
впериль онъ неподвижный, испытующій
взоръ въ подножіе памятника, и думное,
угрюмое чело избороздилося морщинами.

Давно небритая, рѣдкая борода ощетинилась ёжикомъ, голова наклонилась впередъ; брови грозно насупились, губы сомкнулись — и во всей осанкѣ этого пѣхотнаго офицера, съ огромнымъ палашемъ при бедрѣ, было что-то рыцарское, причудливое. Простоявъ нѣсколько минутъ истуканомъ, онъ вдругъ пошелъ вокругъ памятника и встрѣтился съ молоденькимъ мичманомъ, который въ это время также снялся съ якоря и хотѣлъ было подо всѣми парусами безъ брасопки обогнуть памятникъ кругомъ. Сошедши вплоть, мичманъ отскочилъ проворно въ право; — рыцарь, желая посторониться, также шагнулъ въ сторону и оба опять столкнулись. За тѣмъ, каждый снова посторонился, желая дать мѣсто встрѣчному, оба вдругъ приняли въ противную сторону и опять сошлись грудь съ грудью и лицемъ къ лицу. Рыцарь поднялъ голову, и блѣдное, обозначенное рѣзкими чертами, лице выражало какую-то разсѣянность и недоумѣніе. Мичманокъ робко пробормоталъ: «виноватъ», взялся

подъ козырекъ, а въ голубыхъ очахъ его и кругломъ молочномъ личекѣ и въ улыбкѣ написано было, что ему хотѣлось захочотать; но онъ смирился передъ испытующимъ взоромъ новаго Баярда.

Я позабылъ сказать, что у мичмана борода была также не бритая, потому, что еще не выросла.

ГЛАВА 2.

ПРИЕМНАЯ ЗАЛА.

Обошедшіи памятникъ вокругъ, поэтъ и рыцарь, мечъ и цѣвница, встрѣтились снова по другую сторону, но были уже оба гораздо осторожнѣе и раскланявшись съ какою-то принужденною вѣжливостію, очистили другъ другу дорогу — никто однако же не проходилъ; а когда, послѣ нѣсколькихъ секундъ томительного ожиданія, оба, насмотрѣвшись видно вдоволь на памятникъ, вдругъ поворотили въ сторону, то увертливый мичманъ съ трудомъ избѣгнулъ новаго карамболя и оробѣль, встрѣтивъ угрюмо-грозный взоръ

рыцаря. Но наружность обманчива: рыцарь сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, поѣть ухватился за нихъ — оказалось, что оба они намѣрены были итти за подорожною, которую вытребовали у нихъ, для засвидѣтельствованія, въ Канцелярію Генераль-губернатора; и новые попутчики, знакомые незнакомцы, отправились вмѣстѣ черезъ площадь въ домъ главнаго мѣстнаго начальника.

Взошедъ на крыльцо, поворотили они въ первыя двери на лѣво, въ пустыя сѣни, въ которыхъ не было даже и лавки, не только стула, и рыцарь твердымъ шагомъ прошелъ сѣни и отворилъ вторую дверь, которая, какъ оказалось, вела въ Канцелярію. Писецъ вскочилъ съ мѣста, спросилъ: «что вамъ угодно?» а между тѣмъ отворилъ дверь въ сѣни и понуждалъ офицера двусмысленнымъ словомъ: *пожалуйте*, и движеніемъ руки, выдти. Рыцарь вытянулся, стала твердою ногою и сказалъ, что пришелъ за подорожною. «Сейчасъ, извольте обождать» продолжалъ писецъ, указывая на растворенную дверь; но какъ

кавалеръ бронзовой медали насупилъ брови и не трогался съ мѣста, то перочинный художникъ объявилъ ему безъ обиняковъ, что постороннимъ людямъ, какого бы званія они ни были, запрещается входить въ Канцелярію, въ этотъ таинственный храмъ безъимяннаго божества, жреца или жрицы — и указалъ на прибитый къ дверямъ листъ, за подписью Генераль-губернатора. Рыцарь прочиталъ, пожалъ плечами и вышелъ въ пустопорожнія сѣни; взглянуль раздраженнымъ перуномъ на молодаго пѣснопѣвца, скрестиль руки и принялъ ходить взадъ и впередъ, саженными шагами, при чемъ даль палашу своему полную свободу чертить на разгулѣ по полу, стучать и брянчать, сколько ему было угодно. Мичманъ прислонился къ окну, перекинулъ ноги на кресть, сложиль руки и принялъ рассматривать — носокъ своего сапога.

Прошло добрыхъ полчаса — мичманъ поглядывалъ украдкой то на дверь, то на грознаго рыцаря, когда этотъ оборачивался къ нему спиною — а рыцарь шагалъ все

чаще и смѣлѣе, громче и шире, и вытаскивалъ по временамъ изъ кармана за претолстую цѣпочку, съ большими, рѣзными печатями, старообразные часы, поглядывалъ на нихъ, прикладывалъ къ уху, и, казалось, очень удивлялся, что они стояли, хотя это въ сущности была для него не новость. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, кавалеръ подошелъ къ дверямъ Канцеляріи, раставилъ ноги вилами, подбоченился лѣвою рукою, въ которой держалъ фуражку, а правою, согнувъ указательный палецъ и оборотивъ его колѣнцемъ къ двери, стукнулъ мѣрными ударами трижды. Писецъ или чиновникъ выглянуль, придерживая дверь рукою, заткнувъ перо за ухо, спросиль опять: «что вамъ угодно?» и на требованіе рыцаря отдать подорожную, отвѣчалъ снова: «сейчасъ, извольте обождать» а за тѣмъ притвориль дверь и исчезъ.

Рыцарь оборотился къ окну и уставилъ такой грозный, отчаянный взоръ на піиту, что этотъ привсталъ и вытянулся и опустиль руки, не зная, что сказать.

«Пойдемъ—те къ Генераль—губернатору»,
сказалъ рыцарь, протянувъ дружески руку;
обрадованный мичманъ подалъ ему робко
свою и оба вмѣстѣ, рыцарь какъ
наставникъ, піита, какъ послушное дитя,
котораго ведутъ за руку, отправились было
по лѣстницѣ, ведущей вверхъ — но
кавалеръ вдругъ раздумалъ, грозно
взглянуль на попутчика своего, выпустиль
руку его и воротился. Къ счастію вскорѣ
вынесли обѣ подорожныя — герой палаша
принялъ свою, окинувъ подателя съ ногъ до
головы взглядомъ, который, казалось, могъ
измолоть и измочалить живаго человѣка въ
лыки — а мичманъ, въ смиреніи своеемъ,
покосился робко на грознаго попутчика
своего — оба вышли, раскланялись, и
каждый отправился туда, гдѣ остановился.

ГЛАВА 3. САМОЗВАНЦЫ.

Мичманъ нашъ ъхаль, ъхаль, и ему
вздумалось на одной станціи заглянуть, отъ

нечего дѣлать, въ разгонную книгу. Съ удивленіемъ разсматривалъ онъ послѣднюю, еще незасохшую записку, въ которой говорилось: «отъ Могилева до Николаева, Киштымскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитану барону Аделю фонъ Адельсбургу» — и прочее. Какой же это Адельсбургъ, подумалъ мичманъ, и откуда онъ взялся, когда смотритель вносилъ это при мнѣ и съ моей подорожной? Мичманъ оборотился съ вопросомъ этимъ къ смотрителю, и этотъ, глянувъ въ книжку, смотрѣль на мичмана, какъ будто не понимая его, и наконецъ сказалъ: «да вѣдь это вы, сударь, это ваша подорожная.» Мичманъ, въ свою очередь, не понималъ смотрителя и взглянувъ раза два поперемѣнно на него и на книжку, развернуль наконецъ подорожную свою, которую держаль въ рукахъ, и прочиталь: «отъ Могилева до Николаева, Киштымскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитану барону Аделю фонъ Адельсбургу»; перечитывалъ это нѣсколько разъ, и все не понималъ ни слова, хотя подорожная написана и

напечатана была очень четко. Смотритель догадался въ чемъ дѣло и спросилъ: «что вы, сударь, обмѣнили что ли гдѣ подорожную свою?»

— Видно обмѣниль, — отвѣчалъ піита — и видно обмѣниль еще въ Полтавѣ. —

«Да ваша же на чье имя была?» продолжалъ съ участіемъ смотритель.

— На мое, — сказалъ Мичманъ, — на мое собственное. —

«Да вы же кто изволите быть такіе?»

— Да я 28-го флотскаго экипажа мичманъ Поцѣлуевъ, и ѿду изъ Петербурга, а не изъ Могилева. —

«Ну», продолжалъ смотритель, «такъ вы свою подорожную нагоните, вотъ съ полчасика тому не больше, по ней проѣхалъ, такъ, смугловать изъ себя, поджарый офицеръ, высокій, и страхъ сердито глядить.»

Мичманъ взглянуль въ книгу и увидѣль, что дѣйствительно передъ нимъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Николаевъ, мичманъ Поцѣлуевъ. Онъ собрался на-скоро, сѣль и

поскакаль, въ догонку за своей подорожной.

ГЛАВА 4.

ПОПУТЧИКИ.

Прибывъ на слѣдующую станцію, Поцѣлуевъ къ удивленію своему услышалъ, что тёзка не тёзка, а однопрозванецъ его, не проѣзжалъ. Нашъ мичманъ не зналъ что подумать, куда дѣвался баронъ съ чужою подорожною — и не успѣлъ еще покончить думы и рѣшить окончательно, что это все равно, и что ему также точно можно доѣхать до Николаева съ баронскою, какъ и съ своею подорожною, когда услышалъ колокольчикъ, а вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ и самого барона, въ палашѣ, съ медалькой, съ трубкой, въ какой-то вычурной фуражкѣ, съ лаковымъ околышемъ и подбородною цѣпочкой. Баронъ встрѣтилъ нашего мичмана насупившись и надувшись и

заостривъ неподвижныя очи, какъ стрѣлы — и Поцѣлуевъ не зналъ какъ подойти, какъ приступитьтъся, чтобы не раздражить грознаго Губерта. Слово за слово, дѣло объяснилось, рыцарь удивлялся этому странному, непонятному слушаю, до чрезвычайности, но быль такъ снисходителенъ, что свалилъ всю вину на чистописателя, обмѣнялся подорожною, и, узнавъ при этомъ случаѣ, что нашель попутчика и сверхъ того еще земляка, предложилъ ему ѿхать вмѣстѣ. Поцѣлуевъ трусила немнога, правду сказать, и гораздо охотнѣе поѣхалъ бы одинъ; попутчикъ его глядѣлъ какимъ-то неразгаданнымъ звѣремъ и неопытный мичманъ не понималъ вовсе, что значитъ это грозное лице и осанка, при учитивомъ и мягкому обращеніи героя; — но, отказаться, на это у него не стало духу; по этому попутчики сѣли и поѣхали вмѣстѣ, на одной перекладной.

МИЧМАНЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

АЁДАА 5.

Смарагдъ Петровичъ Поцѣлуевъ быль сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ, быль выпущенъ мичманомъ, назначенъ въ Черноморскій флотъ и ъхалъ теперь въ Николаевъ.

Смарагдъ быль мальчикъ съ хорошими способностями, съ доброю, дѣтскою душой, родился подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ созвѣздія лиры и быль поэтъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось; хотя сущность дѣла заключалась въ томъ, что Смарагдъ вступилъ въ тѣ лѣта и отношенія, когда всякий человѣкъ съ душой и чувствомъ дѣляется поэтомъ, и стиховъ не пишеть только тотъ развѣ, кому своенравная природа положительно отказалася въ способности, расположить готовую мысль мѣрными стопами и закончить ихъ риѣмою. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые рѣшительно не въ состояніи написать самое будничное

четырестишие. Они пишутъ прозою хорошо, цвѣтисто, въ прозѣ ихъ есть поэзія, но они не въ состояніи сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если такихъ людей по справедливости называютъ, въ этомъ отношеніи, бездарными, то Смарагдъ Петровичъ былъ юноша даровитый; онъ писалъ стишки, не смотря на недавнее упражненіе свое въ искусствѣ этомъ и малую опытность, довольно складно и свободно, даже не рѣдко на обумъ, вдругъ, но — геній его былъ слабосиленъ; это была обыкновенно одна только вспышка и начатое стихотвореніе оставалось не доконченнымъ. Начать стихотвореніе было ему легко, во всякое время, почти не стоило труда; но продолженіе и конецъ всегда откладывались на неизвѣстный срокъ и очень рѣдко исполнялись.

Поцѣлуевъ получилъ дома отъ матери, нѣмки, благонравное воспитаніе, мечтательное воображеніе, курчавый волосъ, бѣлое лицо и голубые глаза; отъ отца, русскаго, беззаботный нравъ, не глупую голову, довольно широкія плиса и

крѣпкое здоровье. На тринадцатомъ году, поступилъ онъ въ Морской Корпусъ, пробылъ тамъ пять лѣтъ и теперь, съ эполетами, шитымъ воротникомъ и саблею на черномъ лаковомъ ремнѣ черезъ плечо, увидѣлъ свѣтъ.

Поцѣлуевъ, какъ острый, но скромный и чулый мальчикъ, который выросъ дома безъ розогъ, этой необходимой принадлежности и приправы всякаго порядочнаго воспитанія, Поцѣлуевъ понялъ, въ первые три дня своего пребыванія въ Корпусѣ, что здѣсь всего вѣрнѣе и безопаснѣе, какъ можно менѣе попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни въ какія дѣтскія игры, а сидѣть прижавшись къ стѣнкѣ, тише воды, ниже травы. Такъ было въ то время въ корпусѣ; я знаю, что теперь совсѣмъ иное; я говорю о давнопрошедшемъ. Тогда сѣкли съ большимъ прилежаніемъ каждого, кто попадался въ такъ называемой шалости, то есть, кого заставали за какимъ бы–то ни было занятіемъ, кромѣ учебныхъ тетрадей; а кто не попадался, того оставляли въ

покоѣ, разсуждая весьма основательно, что нельзя же пороть всѣхъ, поголовно; дежурный барабанщикъ и такъ уже не успѣвалъ припасать розогъ.

Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ въ Корпусѣ знаніе русскаго языка; и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ Морскомъ Корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжникъ, новичокъ, нетлѣнныи, копчинка, стариkъ, старина, стаrikовать, кутило, огуряться, огуряло,(*)) отказной, отчаянныи, чугунныи, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячихъ, на фартъ, на ваганъ, на шарапъ, фурочкой, фурка, и прочее и прочее. Поцѣлуевъ, кромѣ того, научился повиноваться безпрекословно всякому старику, то есть старому кадету, въ широкихъ, собственныхъ брюкахъ, въ затяжкѣ, въ портупейкѣ, или ременномъ,

(*) Огуряться вошло въ Корпусъ въ употребленіе отъ Новгородцевъ, поступавшихъ туда прежде въ большомъ числѣ. Мы встрѣчаемъ слово это также у Посошкова (Новгородца) оно означаетъ: отдѣливаться отъ обязанности своей, не исполнять ея, не быть на лицо гдѣ должно.

лаковомъ поясочкѣ съ мѣднымъ наборомъ и левиками. Въ классахъ было много кадетовъ и каждымъ заниматься учителямъ не досужно; по этому они требовали по крайней мѣрѣ, чтобы кадеты сидѣли тихо, не шумѣли и не кричали; и смирный по неволѣ считался прилежнымъ.

И такъ, собственно кадетская жизнь оставила въ Поцѣлуевѣ не много поэтическихъ воспоминаній; но какъ онъ былъ за то счастливъ и доволенъ, когда вышелъ въ гардемарины и пошелъ, на плоскодонномъ фрегатѣ, до Красной Горки! тяжеленько мальчику сидѣть изъ году въ годъ за рѣшеткой — неминуемая участъ всѣхъ тѣхъ, у которыхъ нѣть родныхъ или сострадательныхъ знакомыхъ въ столицѣ — и какъ отрадно за то подышать воздухомъ на свободѣ, быть гребцомъ, марсовымъ, понимать и слушать команду вахтенного и чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ на свое мѣсто — отдать брамъ-фаль, взять кливеръ на гитовы, по командѣ, или даже спустить за словомъ флагъ или гюйсъ — а наконецъ, обѣдаться изюмомъ, орѣхами,

пряниками, всегдашнею морскою провизіею гардемаринъ, ходить въ рабочей, измаранной смолою, рубахѣ, подпоясавшись портупейкой, въ фуражкѣ на ремешкѣ или цѣпочкѣ, чтобы ея не сорвало вѣтромъ; купаться, кататься на гребномъ суднѣ, не ходить цѣлый мѣсяцъ въ классы и двигать руки и ноги на свободѣ — о, это знаетъ только тотъ, кто это испыталъ.

Но послѣ одного раздольного и разгульного мѣсяца, слѣдуетъ одиннадцать однообразныхъ, затворническихъ. Малодушіе опять береть верхъ и, засыпая и просыпаясь, трехъ-кампанецъ досчитывается уже по пальцамъ дня, или по крайней мѣрѣ мѣсяца выпуска. Легко сказать, вольный казакъ — офицеръ, самъ себѣ господинъ, въ эполетахъ — съ саблей — никто не смѣеть высѣчь — легко сказать, а воля ваша, голова закружится отъ этого внезапнаго перехода. Право не мудрено, что многіе, въ неистовой, необузданной радости своей, кидаются въ крайности и распоряжаются, какъ новые,

неопытные хозяева, свободою своею довольно дурно. Нашего Поцѣлуева въ этомъ упрекнуть было нельзя; онъ опьянѣлъ, когда надѣль мундиръ и пошелъ свободно, безъ провожатаго, по Невскому проспекту и юнкера передъ нимъ вытягивались и весь міръ передъ душою его раскрылся на всѣ четыре стороны — но упоительныя мечты унесли его въ одну только, самую невинную крайность: онъ видѣлъ все, весь міръ, въ радужныхъ цвѣтахъ и розовой оболочкѣ и сдѣлался, на первый случай, поэтомъ.

ГЛАВА 6.

БАРОНЪ АДЕЛЬ ФОНЪ АДЕЛЬСБУРГЪ.

Баронъ Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ быль сынъ — отца своего, барона древней германской отрасли, коего предки съ давнихъ временъ

поселились въ Курляндіи. Старый баронъ, въ молодыхъ лѣтахъ еще, раззорился, утратилъ довольно значительное имѣніе свое въ залогѣ, по виннымъ откупамъ сосѣднихъ губерній, и перенесъ жестокій ударъ этотъ съ твердостію; но онъ не хотѣлъ уже оставаться на родинѣ, и служить у равныхъ или даже низшихъ, по роду и родословной, и пошелъ управлять имѣніемъ русскаго боярина, въ южную Россію. Тамъ жилъ онъ спокойно, покинувъ всѣ затѣи и высокомѣрные замыслы, и женился въ Екатеринославской губерніи, на внучкѣ Сербскаго выходца Екатерининскихъ временъ, взялъ въ приданое бѣдную деревеньку, зажилъ было опять кой-какъ помѣщикомъ, но вскорѣ умеръ.

Вотъ почему нашъ кавалеръ бронзовой медали былъ баронъ, прозвывался Адель фонъ Адельсбургъ, и между тѣмъ, по матери, исповѣдывалъ Православный законъ, а по мѣсту рожденія, по воспитанію, природному языку, былъ русскій, и еще Екатеринославецъ, то есть

землякъ Смарагда. Смуглое, сухощавое лице, рѣзкія черты, каріе, острые глаза, изобличали въ немъ кровь южныхъ Славянъ; высокій ростъ, величавая, медленная поступь и рыцарскій духъ, нѣмецкаго барона древняго поколѣнія. Онъ служилъ, какъ всѣ бароны у насъ, въ гвардіи, а какъ украинецъ, въ конницѣ — былъ переведенъ за поединокъ въ армейскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ, перенесъ этотъ ударъ судьбы, по примѣру отца, безъ ропота, безъ жалобы, признавалъ судъ надъ собою справедливымъ, но и себя въ дѣлѣ своею правымъ. Гербъ Губерта изображалъ: на бѣломъ полѣ обнаженный мечъ и кровавую полосу поперегъ; по четыремъ угламъ цвѣли: роза, незабудка, лилія и фіалка. Истолковавъ и пояснивъ по произволу гербъ этотъ, баронъ признавалъ себя и мечъ свой урожденнымъ защитникомъ невинности, бѣлаго цвѣта, и видѣль въ четырехъ цвѣткахъ иносказательное изображеніе пола, которому считалъ святымъ долгомъ посвятить всю жизнь

свою. Это былъ баснословный рыцарь среднихъ вѣковъ, ожившій и олицетворившійся дивнымъ образомъ, въ прозаической времена паркетнаго шарканья, мундировъ съ перехватами, и лайковыхъ бальныхъ перчатокъ — переродившійся, обрусьвшій нѣмецкій баронъ, Баярдъ, въ русскомъ пѣхотномъ мундирѣ, словомъ, рыцарь Губертъ Рудольфовичъ! Въ первый разъ слышу, что рыцарей также зовутъ по имени и отечеству. Онъ носилъ на груди мѣдное, древнее распятіе вершка въ четыре; никогда не ходилъ безъ дворянской медали; на часовой цѣпочкѣ его висѣли три гербовыя печати разныхъ величинъ; на указательномъ лѣвомъ пальцѣ, былъ у него огромный перстень съ рѣзнымъ гербовымъ камнемъ; въ фуражкѣ, въ шляпѣ его и на всѣхъ вещахъ, даже на визитныхъ карточкахъ, — былъ наклеенъ отпечатанный съ мѣдной досечки гербъ его, съ раскинутою повязкой, на которой можно было прочитать: *Мой мечъ твой щитъ*. Лишившись, съ переводомъ въ пѣхоту, сабли и шпоръ, о чемъ очень скорбѣлъ,

баронъ носиль, по крайней мѣрѣ въ дорогѣ, огромный, рыцарскій мечъ, передѣланный по наружности на кирасирскій палашъ, и привѣшивалъ его всегда къ поперечной портупеѣ золоченою цѣпью. Со шлемомъ предковъ своихъ, парою разрозненныхъ налокотниковъ и круглымъ щитомъ, на которомъ былъ когда–то расписанъ красками гербъ бароновъ, и съ серебряными, древними запястьями праматери своей, Гертруды, Адель–фонъ Адельсбургъ никогда не раставался, а таскалъ вещи эти на всѣхъ домашнихъ походахъ и стоянкахъ съ собою, и развѣшивалъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ надъ изголовьемъ своего ложа.

При всѣхъ странностяхъ этихъ, баронъ былъ добрѣйший и благороднѣйший человѣкъ, былъ готовъ принести себя на жертву всякому добруму дѣлу — но на бѣду принимался за это обыкновенно очень не впопадъ и не кстати, не въ ладъ и не вмѣру, и, вмѣсто одолженія, надоѣдалъ и докучалъ всякому. Поединокъ, напримѣръ, за который онъ былъ исключенъ изъ гвардіи,

заязался вотъ съ какого повода: прогуливаясь вечеромъ, поздно, по Невскому, благородный баронъ встрѣтилъ офицера, который заговаривалъ очень не застѣнчиво съ красавицею, слѣдуя за нею по пятамъ. Если бы баронъ сколько нибудь удостоилъ разобрать дѣло пообстоятельнѣе, то онъ бы безъ труда убѣдился, что здѣсь каждый третій человѣкъ былъ лишній, что бесѣдующіе вовсе не нуждались въ третейскомъ судѣ; но баронъ былъ тогда особенно въ духѣ видѣть угнетенную невинность, разгоряченное воображеніе его подстрекнуло, онъ ввязался въ дѣло, объявивъ себя заступникомъ прекраснаго пола; и наконецъ, не могши вынести обиднаго отвѣта встрѣчнаго фоблаза, принужденъ былъ его вызвать. Такимъ образомъ попадался баронъ уже не въ первый разъ; но, какъ рыцарь кровью и душой, не исправлялся, не измѣнялся, а продолжалъ спасать и воевать и заступаться, тамъ, гдѣ его никто обѣ этомъ не просилъ и называлъ людей, которымъ надоѣдалъ и докучалъ, неблагодарными.

Этотъ нравъ обозначался въ наружности, въ станѣ, и во всѣхъ приемахъ барона, вырѣзался на замѣчательномъ лицѣ его, какъ семейный гербъ, служившій вывѣскою и клеймомъ книжки барона, фуражки, пистолета, собаки, даже стола и стула, если только барону случалось обзаводиться ими, какъ своею собственностью. Баронъ былъ тощъ и сухъ, расхаживалъ какъ на ходуляхъ, подбоченивался, задумывался и забывался на каждомъ шагу, Богъ вѣсть о чёмъ; удивлялся всему, подозрѣвалъ всѣхъ и все, морщился, хмурился, сводилъ и разводилъ Сербскія брови свои, и вѣчно глядѣлъ грознымъ перуномъ, между тѣмъ какъ онъ, если его ничего не раздражало, былъ кротокъ какъ дитя, и добръ, какъ пятнадцати-лѣтняя девица. Но гдѣ только касались слабой его струны, рыцарства, тамъ онъ былъ неукротимъ какъ левъ, и готовъ былъ стрѣляться десять разъ въ одинъ день.

ГЛАВА 7.

ПОРТОВОЙ ЗАШТАТНЫЙ
ГОРОДЪ.

—

Сидя рядомъ на тележкѣ, попутчики наши почти во всю дорогу молчали; баронъ дичился, а мичманъ не смѣлъ его беспокоить. Послѣдній однако же узналъ отъ молчаливаго, угрюмаго товарища своего, что этотъ посланъ въ Николаевъ, съ двумя пѣхотными унтеръ-офицерами, которые Ѳдутъ сзади, для обученія матросовъ фронтовой службѣ. Маловажное, по видимому, обстоятельство это, еще болѣе напугало робкаго мичмана — фронтовая служба была въ то время во флотѣ — не приманкою; и еще особенно для Черноморского флота. Старые, заслуженные офицеры, съ трудомъ только привыкали къ вытяжкѣ и выправкѣ; а молодежь, глядя на нихъ, также кряхтѣла и пугалась премудрости этой. Нынѣ уже не тѣ времена: офицеры и матросы наши

показали подъ Варною, и особенно подъ Анапою, что они хорошие пушкари и бомбардиры, отличные саперы, — славные егеря и застрѣльщики, и смѣлые охотники на приступѣ. — Но въ то время было не то: сказываютъ, что когда баронъ нашъ, для первого опыта, вздумалъ сдѣлать, по обязанности своей, одному экипажу баталіонное ученье, а въ послѣднемъ взводѣ не оказалось даже двухъ человѣкъ, которые шли въ ногу, да сверхъ того еще штыки надъ головами крестились и цѣплялись одинъ за одинъ и благородный баронъ, въ неукротимомъ порывѣ отчаянья, заломивъ руки, воскликнулъ: «Боже мой! это что за народъ?» то крайній матросъ въ задней шеренгѣ, порываясь попасть въ ногу и стоптавъ уже тремъ передовымъ своимъ всѣ закаблучья, придерживая лѣвою рукою прикладъ ружья, сняль фуражку и оборотившись къ вопрошающему, отвѣталъ съ незлобною улыбкой: «мы съ глубокой пристани, Очаковскіе, ваше благородіе!»

— Боже мой, — подумалъ кавалеръ бронзовой медали, — какъ времена

перемѣнчивы! Очаковскіе! Какое громкое, звучное, славное имя! Очаковскіе! такъ изводится родъ человѣческій; и возмите название, какое угодно, самое громкое и блестящее въ старину, славное, великое, напримѣръ название какого нибудь знаменитаго, неприступнаго замка, и назовите нынѣшнихъ жителей его этимъ именемъ, и припомните въ тоже время старину, — не горькая ли это насмѣшка надъ славою прадѣдовъ? —

Такъ мечталъ и заносился угрюмый Губертъ Рудольфовичъ, глядя съ презрѣniемъ на нынѣшнее недостойное ополченіе Очакова, между тѣмъ какъ попутчикъ его ходилъ по богохранимому граду Николаеву, распахнувши врата сердца своего настежъ, и приговаривая встрѣчному и поперечному, съ улыбкою на устахъ и глазахъ: милости просимъ! Смарагдъ быль не утомимъ въ визитахъ, въ засвидѣтельствованіи почтенія, искалъ знакомства въ каждомъ домѣ, гдѣ было болѣе трехъ оконъ на улицу, принималъ каждое свѣтское приглашеніе: «прошу быть

знакомымъ» — въ буквальномъ смыслѣ, и являлся, беззаботливо и беспечно, на другой же день, къ обѣду или къ вечеру; а если въ домѣ была милая хозяйка, или еще, упаси Богъ, дочери, то Смарагдъ обживался тамъ въ сутки, а много въ двои, и былъ какъ дома, хотя и сохранялъ всегда врожденную живому нраву его скромную говорливость, вѣжливость и услужливость. Его любили вездѣ; пожилые семейные люди, считая себя всѣ нѣкоторымъ образомъ начальниками его, потому что всѣ они были морского вѣдомства, говорили ему привѣтливо ты; маменьки этого города — въ то время по крайности — очень любили проворныхъ и обязательныхъ молодчиковъ, всегда готовыхъ на любую услугу; а Смарагдъ безотказно готовъ быть сбѣгать десять разъ на день, съ образчикомъ ленты или тафты, въ лавки; попросить компаснаго мастера, чтобы велѣль починить расклепавшіяся ножницы; конопатнаго, чтобы, при вставкѣ двойныхъ рамъ, прислать законопатить окна; фонарнаго, чтобы починить въ каретѣ фонари; а

столярнаго, чтобы велѣль надѣлать сотни двѣ вилочекъ, для пришпильки бѣлья, которое безъ этого срываеть вѣтромъ и валяеть на земь; Смарагдъ, съ особеннымъ жаромъ схватывалъ шапку свою и пристегивалъ кортикъ, не длиннѣе, если не короче, вязальнаго прутка, когда просили его проводить семейство вечеромъ на прогулку, на знаменитый бульваръ, позади Адмиральской улицы, надъ Ингуломъ; не отходилъ ни на мигъ, если просили его состоять при свитѣ, по случаю какого нибудь сборища, напримѣръ спуска корабля, или театральнаго представлениѧ штурманскихъ учениковъ — понянчиться съ платкомъ или шалью, и прочее.

Баронъ быль совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ обществу. Онъ соблюдалъ все, что хороший тонъ можетъ требовать отъ степеннаго человѣка, но онъ не искалъ никакого знакомства, рѣдко бывалъ въ домахъ, хотя и не пропускалъ ни одного собранія большаго общества. Онъ никогда не улыбался, глядѣль зорко, пристально, сложивъ руки, подбирался и вытягивался,

подходя къ барынѣ или дѣвицѣ, и отпускаль обдуманныя, изысканныя и тяжеловатыя учтивости. На него смотрѣли всѣ, какъ на чудака; предубѣженіе урожденныхъ флотскихъ и портовыхъ противу армейщины здѣсь ничѣмъ не опровергалось; дѣвицы пугались угрюмой молчаливости барона, когда онъ молчалъ, и боялись еще болѣе важнаго, рѣшительнаго и, привлекающаго общее вниманіе, приступа барона, когда онъ, расшаркиваясь, подходилъ, какъ на театрѣ, и отпускаль затверженныя пошлости. Я не говорю, чтобы барышни наши, въ то время, слушали охотно однѣ только не пошлыя учтивости; но по крайней мѣрѣ — есть на все снаровка и ухватка, образъ и способъ; можно сказать одно и тоже, одни и тѣ же слова, такъ и этакъ; можно шепнуть что нибудь во время кадрили — не французской, которой тогда еще не довезли до заштатныхъ городовъ, а простой — можно шепнуть что нибудь, какъ будто оно вырвалось у васъ невольно, невзначай, и можно, или лучше сказать, *нельзя* возгласить тоже самое во

всеуслышаніе, расшаркавшись, какъ голландскій пѣтухъ и обративъ смѣшными приемами своими на себя и на того, съ кѣмъ говоришь, вниманіе цѣлаго общества. Но отказные враги барона были — всѣ тѣ, которые принадлежали не къ первой шеренгѣ общества, хотя они и втирались туда частенько, и даже похитили въ ней, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, право гражданства. Это были именно мастеровые чины адмиралтейства: блоковый, канатный, парусный, столярный, конопатный, фонарный, токарный, котельный, шлюпочный, компасный, и Богъ вѣсть какие еще мастера, впрочемъ люди въ чинахъ, въ почетныхъ званіяхъ — и главное — съ весьма хорошимъ достаткомъ. Жалованье ихъ было, конечно, очень не большое; но они жили хорошо, иные довольно открыто, давали за дочерьми весьма порядочное приданое, на худой конецъ домикъ съ полнымъ хозяйствомъ; кромѣ того, въ цѣломъ городѣ рѣшительно не было мастероваго, за исключеніемъ имъ подчиненныхъ; и особенно не было такого,

который сдѣлалъ бы все, что угодно, даромъ. — Всѣ эти обстоятельства, согласитесь сами, уже достаточны для того, чтобы дать господамъ этимъ почетное мѣсто въ обществѣ, которое безъ нихъ не можетъ существовать.

Но баронъ Адель фонъ Адельсбургъ не признавалъ ихъ годными и достойными; онъ строго держался своего рыцарства и дворянства, и если благородство, въ смыслѣ чести, было для него неотъемлемою принадлежностю дворянина, то баронъ, на оборотъ, не всѣхъ благородныхъ, то есть чиновныхъ, признавалъ дворянами; по крайней мѣрѣ онъ мысленно исключилъ изъбархатной книги своей всѣхъ господъ фонарныхъ, котельныхъ и компасныхъ — и чрезвычайно ловко и тонко, съ разборчивостю кавалера лучшаго свѣта и тона, умѣль показать это даже и въ обращеніи съ женскимъ поломъ мастероваго сословія.

ПОЦѢЛУЕВЪ ИЩЕТЬ ПОЦѢЛУЯ.

Баронъ полюбилъ на бѣду молодаго, откровенаго земляка своего; сверхъ того, это было первое и сначала почти единственное его знакомство въ Николаевѣ — и благородный баронъ, воображая себя всегда защитникомъ и заступникомъ слабѣйшаго и почитая Поцѣлуева ребенкомъ, которому еще нужень дядька, предложилъ ему жить вмѣстѣ. Бѣдныи Смарагдъ, не смѣя противиться волѣ своего грознаго, по виду, опекуна, потупилъ очи и — согласился. Смарагдъ вздыхалъ обѣ этомъ уже напередъ, вспоминая, изъ второй части теоріи и практики кораблевожденія Гамалѣя, что повитый лаврами мечъ^(*) и беззаботная лира, хотя и находятся въ одномъ и томъ же сѣверномъ полушаріи, но раздѣлены на вѣки вѣчные млечнымъ путемъ и сойтись не могутъ, развѣ быть свѣтопреставленію. Не смотря на это, они

(*) Friedrichs Ehre. Пусть его и не будетъ въ Гамалѣѣ, все равно.

наняли общую квартиру, не подалеку въчинозеленой казенной аптеки — и расположились жить вмѣстѣ. Почему не такъ; были же времена, когда мечъ и цѣвница живали какъ брать съ сестрой!

Баронъ далъ Смарагду лучшую изъ трехъ комнатокъ, и самъ заняль какой-то получуланъ, въ которомъ господствовали всегдашніе сумерки. Щитъ, мечъ, гербъ, огромныя перчатки, даже наручни прабабушки, заняли обычное свое мѣсто. Смарагдъ убралъ комнату свою тремя трубками, кисетомъ, шляпой, — а kleenчата го чахла, или еще и кивера, тогда не было — саблей, кортикомъ, десяткомъ учебныхъ и другихъ книгъ, гдѣ опять незабвенный Гамалѣй, обнявшій, въ сочиненіи своемъ, первый и досель еще одинъ, всѣ отрасли сложной мореходской науки, занималь первое почетное мѣсто; кромѣ того, Смарагдъ вскорѣ обзавелся шести-струнной, италіянской гитарой, которая со временъ Сенявинскаго похода, у насъ, въ Черноморскомъ флотѣ, во всеобщемъ употребленіи. Скажемъ правду:

Смарагдъ, въ первое время по крайней мѣрѣ, поглядывалъ иногда, и то только невзначай, на корешокъ своего Гамалѣя, а далѣе въ него не углублялся: вольность, свобода, своя воля, самъ себѣ господинъ — вотъ что текло теперь по жиламъ Смарагда и составляло всю жизненную полноту тѣла его, то, что врачи собственно называютъ *turgor vitaliæ*. Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь ни о чёмъ. Смарагдъ помнилъ и понималъ себя въ одномъ только этомъ смыслѣ; грудь его дышала свободно, душа купалась въ какомъ-то блаженствѣ, онъ былъ счастливъ, самъ не зная чѣмъ и отъ чего; онъ жилъ со всегдашнею улыбкой на устахъ, съ какимъ-то отблескомъ самодовольствія на голубыхъ глазахъ; словомъ, онъ жиль, и жиль впервые. На укромномъ столикѣ его лежали въ порядкѣ всѣ письменныя принадлежности и по крайней мѣрѣ на двадцати лоскуткахъ сдѣлано было начало какого нибудь пылкаго или очень чувствительного стихотворенія. Баронъ былъ для Смарагда добръ, предупредителенъ — но несносенъ.

Губерть Рудольфовичъ сдѣлался не только хозяйственнымъ и нравственнымъ опекуномъ своего неровнаго товарища; но требовалъ отчета почти во всѣхъ помышленіяхъ его, не только въ поступкахъ. Если доблестный баронъ не былъ на ученъѣ, то Поцѣлуевъ обыкновенно бѣжалъ изъ дому; отчетность эта затрудняла его со дня на день болѣе; а сухость, суровость, положительное направлениe всѣхъ помышленій барона, приводили Смарагда Петровича въ совершенное отчаяніе. Къ этому присоединилась еще какая-то темная, безочетная ненависть моряка къ учителю фронтовой службы, тѣмъ болѣе, что учитель этотъ вздумалъ давать ученику своему дома, на досугѣ, частные уроки ротнаго и баталіоннаго ученья, отъ которыхъ отчаянный ученикъ бѣжалъ безъ оглядки въ первый и ближайшій знакомый ему домъ.

Повѣсть наша происходила въ тѣ времена, когда благоденствовали еще Хозяйственная, Исполнительная и

Казначейская экспедиці; когда жиль быль и капитанъ надъ портомъ, именуемый обыкновенно за—просто *портовымъ*; когда было много совѣтниковъ, которымъ нынѣ уже ни слуху, ни духу. И первый, ближайшій домъ, куда бѣжалъ Смарагдъ, принадлежалъ одному изъ совѣтниковъ адмиралтейства, который жиль открыто, не хуже самого капитана надъ портомъ и умѣль при этомъ пользоваться еще и тѣмъ неоспоримымъ преимуществомъ надъ послѣднимъ, что выrostилъ, выкормиль и образовалъ, сколько обстоятельства позволили, двухъ премилыхъ дочерей. Поцѣлуевъ быль въ домѣ этомъ свой, влюблялся черезъ день, то въ Надю, то въ Наташу, и любилъ ихъ поочередно — страстно и жарко, до первой встрѣчи съ какою либо иною очаровательной дѣвицей, которыхъ было, какъ всюду, такъ и въ Николаевѣ, довольно: потому что и здѣсь, какъ везде, Поцѣлуевы, съ братіею, многаго съ дѣвицѣ не спрашивали, и не заботились ни о чёмъ, кромѣ пригоженья каго ихъ лицека. Изящный же вкусъ

Николаевской молодежи, вѣрно не уступалъ въ этомъ отношеніи ни въ чемъ вкусамъ иногороднымъ; помнится, по крайней мѣрѣ, что и въ то время уже о воспитанности и образованности дѣвушекъ разсуждали изрѣдка одни только родители; о качествахъ и способностяхъ умственныхъ и нравственныхъ толковать было приторно и пошло. У поэта нашего, у Смарагда, при новыхъ отношеніяхъ его, давно уже родилась мысль, съ которою онъ ложился, засыпалъ, няньчился во снѣ, просыпался и носился во весь день, до новаго сна. Поэтъ самъ видѣлъ, что ему поэзія какъ-то не совсѣмъ еще далась, что чего-то не достаетъ, не хватаетъ, и онъ искалъ причину этому не въ себѣ, а въ отношеніяхъ внѣшнихъ. Первое, убийственное для дара его обстоятельство, было сожительство съ несноснымъ барономъ; надобно, думаль Смарагдъ, чѣмъ нибудь перевѣсить это, забыться; мнѣ нуженъ толчокъ, искра, и тогда — я чувствую, что все во мнѣ задышеть полымемъ, я напишу что нибудь сильное,

могучее, даровитое, самобытное. Искру эту и толчокъ, электрическій ударъ этотъ, Смарагдъ нашелъ въ воображеніи своеемъ и теперь ухаживалъ уже съ мѣсяцъ времени самъ около себя, не зная какъ бы справиться съ собою, настроить себя и заставить выполнить, осуществить на дѣлѣ, столь желанную мѣру. Что же, вы полагаете, поэтъ нашъ выдумалъ? Бездѣлицу: ему хотѣлось добыть, подъ какимъ бы-то ни было предлогомъ, какимъ бы-то ни было способомъ, одинъ только поцѣлуй миловидной дѣвицы, дѣвы, какъ онъ ее называлъ, а потомъ бѣжать домой безъ оглядки, запереться отъ докучливаго барона и просидѣть ночь на пролеть надъ самодарнымъ творенiemъ своимъ, излить всѣ чувства свои въ какомъ нибудь подражаніи Нелединскому—Мелецкому, Мерзлякову, Дмитріеву, даже Карамзину, котораго стихотворенія, тогда еще, новостію языка своего, невольно поражали и восхищали. Пушкина еще не было; я думаю, что онъ бы свель съ ума нашего героя.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ мечтательной головѣ Поцѣлуева родилась эта, потрясающая душу, мысль, улыбка расцвѣла на немъ вдвое ярче прежняго, а таинственная поволока придала голубымъ очамъ его какое–то страдальческое выраженіе. Смѣшно и забавно было видѣть, какъ Смарагдъ выходилъ день за день на ловлю поцѣлуя и какъ недовѣрчивый и неотступный дядька его, баронъ, слѣдилъ воспитанника своего шагъ за шагомъ, какъ бралъ его въ допросъ, послѣ каждой прогулки и отлучки, какъ, при этомъ, горячая кровь Смарагда била ключемъ въ лице и въ голову, а Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ хмурилъ брови, морщилъ губы въ жемокъ, поглядывалъ изподлобья, сложивъ руки, наклонивъ голову, закидывая плеча и потомъ, тряхнувъ головою и оставивъ скрытаго недоросля своего на короткое время въ покоѣ, отправлялся въ свою каморку,ходить взадъ и впередъ, по четыре шага въ оба конца, и думать: чтобы это такое значило? Поцѣлуевъ не тотъ, что былъ;

туть что нибудь да кроется; мальчикъ молодой, легкомысленный, онъ можетъ влюбиться, надѣлать шалостей, погубить всю будущность свою — надо за нимъ присматривать; мнѣ его жаль.

ГЛАВА 9.

НЕЗВАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Баронъ въ самомъ дѣлѣ сдержалъ слово свое: онъ слѣдилъ Поцѣлуева почти неотступно, рѣшился даже знакомиться безъ обиняковъ, въ домахъ, гдѣ тотъ бывалъ; всѣмъ стало это кидаться въ глаза; таинственный баронъ честилъ посѣщеніями своими людѣй, которыхъ прежде не хотѣлъ и знать; приходилъ всегда слѣдомъ за воспитанникомъ своимъ, мало говорилъ, по всегдашнему обычаю своему, но много ломался, хмурился, всему удивлялся, и зорко поглядывалъ на Смарагда, который алѣль и блѣднѣль отъ испытующаго взора

опекуна своего и не зналъ куда дѣваться. Стали толковать обѣ этомъ болѣе и болѣе, стали допрашивать и Поцѣлуева, но не могли добиться никакого толку и заключили, что баронъ чудакъ, какихъ не много на бѣломъ свѣтѣ. Барону до этого всего было мало нужды; онъ дѣлалъ свое: утромъ занимался ученьемъ, послѣ обѣда ученьемъ, а къ обѣду и вечеромъ отправлялся отыскивать по городу камрата своего, отъ котораго стала уже требовать довольно настойчиво, чтобы тотъ говорилъ ему напередъ, гдѣ будетъ обѣдать, гдѣ проводить вечеръ. Баронъ слѣдилъ неутомимо, и дослѣдился.

Смарагдъ, какъ мы сказали, спасаясь отъ домашнихъ уроковъ баталіоннаго ученья, схватилъ фуражку свою съ бѣлою выпушкой и полетѣлъ къ совѣтнику. Это было вечеромъ, и притомъ зимою; Ивана Ефимовича не было дома, а дѣвушекъ Смарагдъ засталъ за фортепіанами. Вышла и мать, подали чай, пошли въ гостинную, и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, унесли туда и свѣчи изъ залы, гдѣ сдѣлались почти

потемки, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ сумерки. Смѣялись, шутили, бесѣда шла бѣглая, веселая; Надя и Наташа были очаровательны, особенно Наташа, на которую Смарагдъ теперь преимущественно полагалъ надежды свои; зашелъ споръ о томъ, сколь высоко идетъ напѣвъ какой–то пѣсенки, потомъ заспорили, до которой нотки Надя возьметъ тоненькимъ голосочкомъ своимъ; Надя увѣряла, Смарагдъ не вѣриль, и она вскочила и пошла въ залу, сѣла беззаботно за фортепіано, на которыя частію упадаль свѣтъ изъ дверей гостинной, стала перебирать однимъ пальчикомъ кости, выше да выше, и слѣдила за ними, попадая, какъ Богъ и учитель велѣли, звонкимъ голоскомъ своимъ.

Смарагдъ стала за стулъ, шепталъ Надѣ на ухо, что выиграль закладъ, что она не достаетъ чисто какое–то *фа* или *соль*, та оправдывалась, силилась достать выше и выше — Надя была мила, спорила, но казалась уступчива и не злопамятна — разговаривала промежуткомъ вслухъ, съ

маменькой и сестрой, которыя сидѣли въ гостинной — Смарагдъ не могъ упустить этотъ благопріятныи случай и — исполнилъ давнишній обѣтъ свой, совершилъ подвигъ, отъ котораго въ немъ кровь мгновенно остыла, сердце заболѣло, очи ослѣпли. Надя пискнула едва слышнымъ голосомъ, взяла громкій и звучный аккордъ и сказала вслухъ, повысивъ голосъ: Наташа, поди сюда, споемъ что нибудь вмѣстѣ. Наташа вошла со свѣчею въ рукахъ — и баронъ Адель фонъ Адельсбургъ, стоя у дверей въ переднюю, противъ фортепіанъ, важно и величественно съ нею расшаркивался.

Надобно вамъ сказать, что баронъ вошелъ въ переднюю въ то самое время, когда чета наша, занятая громкимъ споромъ, выходила изъ гостинной въ залу; баронъ вошелъ потихоньку, притаился въ потьмахъ у самыхъ дверей; ему было очень любопытно увидѣть, что изъ всего этого будетъ и чѣмъ это *глазъ* на *глазъ* въ потьмахъ кончится; баронъ прислушивался во всѣ уши, присматривался во всѣ глаза — и, если не могъ услышать всего, что

говорено было шопотомъ, по промежуткамъ отводнаго разговора вслухъ, но по крайности слышаль и видѣль довольно, гораздо болѣе, чѣмъ кому нибудь, на мѣстѣ Смарагда и Нади, могло бы быть желательно.

ГЛАВА 10.

НЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Баронъ, посидѣвъ у Ивана Ефимовича въ домѣ съ полчаса, въ самомъ угрюмомъ, дикомъ и отчаянномъ молчаніи, такъ, что нагналь тоску и страхъ на хозяекъ и на односума своего, на Смарагда, разсудиль наконецъ и самъ, что видѣль довольно, что выжидать уже болѣе нечего и отправился домой. Смарагдъ не зналъ, до какой степени баронъ проникъ въ тайны его, но какое-то волненіе и беспокойство томили его и гнали въ чистое поле. Оставшись еще

на короткое время, потому только, что баронъ ушелъ, Смарагдъ взяль однако же вскорѣ фуражку, вышелъ, сняль съ себя шейный платокъ, накинулъ жиденькій плащъ на распашку, и пошелъ пройтись по обширной адмиралтейской площади, мимо артиллерійской слесарни, до полуразрушенного каменного квартала казенныхъ домовъ, которыми съ этой стороны оканчивается городъ. Нахлебавшись вдоволь холоднаго вѣтру и прозябнувъ не много, Смарагдъ поворотилъ, прошелъ вдоль слободки до казенной аптеки и — робкою рукой отворилъ калитку своего жилья. Ему какъ-то очень тяжело было итти на свиданіе съ доблестнымъ барономъ, который ложился всегда очень поздно, а потому и теперь еще сидѣлъ, закинувъ голову, скрестивъ ноги, куриль огромную пѣнковую трубку свою, пускалъ клубы дыма подъ самый потолокъ и барабанилъ пальцами по кожаному дивану отбой или переправу; а по временамъ насвистывалъ егерскіе сигналы. Какъ ни старался Поцѣлуевъ войти потихоньку,

скорѣе раздѣтъся, лечь и притвориться соннымъ, чтобы потомъ, на свободѣ и безъ помѣхи, излить тайкомъ на лоскутъ бумажки чудныя вдохновенія нынѣшняго вечера — но баронъ его подстерегъ, вошелъ къ нему, походилъ, опять вышелъ, опять вошелъ и наконецъ сталъ Наполеономъ въ дверяхъ и сказалъ:

«Я не охотникъ до объясненій, Смарагдъ Петровичъ, но отношенія мои къ вамъ заставляютъ меня дѣлать это иногда противъ воли. Я давно уже подозрѣвалъ, глядя на васъ, какія нибудь неумѣстныя связи; видѣль, что съ вами что нибудь да дѣлается — но то, что я видѣль своими глазами сего дня — того я отъ васъ, какъ отъ офицера и дворянинна, не ожидалъ.»

— Что же вы такое видѣли, баронъ? — спросилъ Поцѣлуевъ.

«Я видѣль, если вы непремѣнно хотите, чтобы я вамъ сказалъ это,» отвѣчалъ баронъ, «я видѣль, что вы поцѣловали Надежду.»

На одинъ только мигъ Смарагдъ было не много потерялся; вслѣдъ за тѣмъ,

умилительное воспоминаніе возвратило ему языкъ, бодрость, веселость и шутливость. «О», сказалъ онъ, «кто не обнимаетъ, хотя въ мечтахъ, эту усадительную богиню, надежду! — Но — если вы это видѣли, Губертъ Рудольфовичъ, если вы не шутите, тогда вы, конечно, видѣли много, гораздо болѣе, чѣмъ вамъ видѣть слѣдовало; потому, что никому не позволяетя видѣть то, чего нѣтъ и не было».

— Стой, молодой человѣкъ, — воскликнулъ баронъ, разставивъ вилами и руки и ноги и всѣ десять пальцевъ, — остановись, молодой человѣкъ, ты хочешь сказать неправду, ты хочешь играть истиной, честью — остановись: ты русскій дворянинъ, хотя и молодъ еще; что ты будешь отвѣтить мнѣ, если я спрошу тебя, на дворянскую честь и совѣсть твою, правду ли я сказалъ или нѣтъ? —

Поцѣлуевъ всталъ, и принялъ такое рѣшительное, твердое положеніе, какого мы доселѣ еще за нимъ не видывали и сказалъ: «Послушайте, баронъ, если вы хотите, чтобы я не сердился на допросъ вашъ, то не

сердитесь же и вы на мои отвѣты, а выслушайте меня спокойно. — Я молодой человѣкъ, это такъ; но я изъ опеки вышелъ; по этому я бы могъ просто спросить васъ, по какому праву вы хотите меня опрашивать какъ ребенка? — но я — дайте мнѣ договорить, если угодно — я, вмѣсто этого, не отвѣчая вамъ на первый случай ни да, ни нѣтъ, спрошу въ свою очередь: какая же тутъ бѣда и что за несчастье и безчестье, если молодой человѣкъ, разъ или два на вѣку свое, позволить себѣ поцѣловать дѣвушку? что тутъ за бѣда? на что мнѣ жить на свѣтѣ, если нельзя ловить, хотя на лету, на перелетѣ быстрокрылыхъ услады, которыя даруютъ мнѣ на нѣсколько дней силу и крѣпость, и новую жизнь, и новую радость въ жизни? Здѣсь все зависитъ только отъ мѣста, времени и обстоятельствъ — нужна разборчивость, чувство приличія, чутье, чтобы все это вышло въ ладъ и въ мѣру и чтобы все покрыто было для цѣлаго свѣта непроницаемымъ покровомъ тайны. По этому тотъ, кто видѣлъ то, чего видѣть не

должно, виноватъе того, кто быль при этомъ лицемъ дѣйствующимъ и неосторожно ввѣрился обманчивымъ обстоятельствамъ, не подозрѣвая тутъ соглядатаевъ. — Собственно же въ поцѣлуѣ, я не вижу ни грѣха, ни безчестья. Вотъ вамъ, баронъ, мнѣніе мое о вопросномъ дѣлѣ; что же наконецъ собственно до видѣннаго вами, то я прошу васъ вѣрить, что вы ошиблись: вы ничего не видали; — я прошу васъ сообразовать съ этимъ и слова свои по тому же предмету, со мною ли, съ другимъ ли кѣмъ вы будете говорить, прошу васъ обѣ этомъ, не столько ради меня самого, какъ ради дѣвицы, которая не можетъ стать съ вами на одну доску, какъ я теперь, и объясниться. Оставимъ же дѣло это на всегда, будто его и не бывало.»

Баронъ не могъ не признать въ этомъ отвѣтѣ Поцѣлуева что-то рыцарское, благородное; онъ подаль руку молодому товарищу и раздувъ ноздри, приподнявъ брови угловатымъ сводомъ и откинувъ плеча назадъ, сказалъ подъ наитiemъ

какого-то восторга: «въ васъ течеть
благородная славянская кровь.»

ГЛАВА 11.

РАЗВОДНАЯ.

Этимъ кончилось дѣло на тотъ разъ; но, при первомъ случаѣ, оно опять возобновилось и не могло уже снова вполнѣ уладиться; а случайное обстоятельство окончательно растроило принужденное согласіе нашихъ односумовъ; времененная заташь миновала и порывъ бурнаго шквала разогналъ ихъ въ разные концы.

Баронъ самъ себѣ не могъ, или не хотѣлъ, отдать яснаго отчета въ чувствѣ, которое подстрекало егоссориться со Смарагдомъ за невинныя его волокитства; но это просто была ревнивая зависть. Поцѣлуевъ быль всюду дома, вездѣ свой, съ барышнями обходился почти какъ съ ровнями, потому что совѣсть его была чиста

и непорочна, и барышни ему отвѣчали, большею частію, по той же причинѣ, тѣмъ же. Напротивъ баронъ нашъ, неуклюжею почтительностію своею и неумѣстною околичностію, никогда не успѣвалъ найти расположеніе и довѣрчивость своихъ богинь. Это рождало въ немъ скрытную досаду на счастливца, которому всѣ блага земли доставались шутя, играючи, и баронъ, черезъ нѣсколько дней, снова началъ пилить Смарагда поученіями и требовать отчетности въ дѣлахъ его и поступкахъ. То Смарагду не простительно было отбивать у такой–то дѣвушки жениховъ; то не шло волочиться за дочерью совѣтника, который дослужился чиновъ изъ званія Клерка или Баталера и не былъ столбовымъ дворяниномъ; то не должно былоходить въ такой–то домъ, гдѣ не умѣли цѣнить людей, потому, что сухо приняли барона; то не слѣдовало бы навязываться прихвостнемъ такой–то дѣвицѣ, которой Смарагдъ, по мнѣнію барона, надоѣдаетъ; а зваться съ блоковымъ, паруснымъ и компаснымъ, хоть

они и чиновные люди, не идеть уже вовсе; и проче и проче. Нравоученія эти Смарагду такъ надоѣли, что онъ, оперившись уже однажды, раздумывалъ, какъ бы растаться съ барономъ по добру, вытти изъ этой несносной опеки, которою докучали ему въ насмѣшкахъ по цѣлому городу.

Не прошло недѣли послѣ объясненія Смарагда съ барономъ, по дѣлу о похищеннемъ поцѣлуѣ, какъ въ домѣ капитана надъ портомъ намекнули нашему поэту слегка, промежду шутокъ, на это происшествіе. Не успѣль Смарагдъ нашъ разумѣть и порѣшить, въ какомъ смыслѣ принять намекъ этотъ, какъ въ другомъ домѣ случилось тоже, и наконецъ мичмана, товарищи Поцѣлуева, рассказали ему, смѣючись, что вотъ—де, Смарагдъ Петровичъ, какіе въ городѣ носятся о васъ слухи. — Это уже взбѣсило нашего искателя поцѣлуевъ не на шутку, вывело его изъ терпѣнія, и онъ рѣшился растаться съ барономъ, не говоря ему ни слова, на другой же день. Распустить слухи эти по

городу было рѣшительно некому, кромѣ самого барона, потому, что ни одна душа болѣе ничего обѣ этомъ не могла знать.

Смарагдъ пришелъ надувшись домой, отыскавъ и нанявъ себѣ уже напередъ жилье, скромное, маленькое, но за то одинокое и еще съ угла на уголь противъ дома конопатнаго мастера; потомъ, на другое утро, когда баронъ ушелъ на ученье, Смарагдъ оставилъ ему малословную записку, что хочетъ жить одинъ; навыочилъ своего деньщика шляпой, саблей, гитарой и чемоданомъ, и перебрался. Тутъ вздохнулъ поэтъ нашъ посвободнѣе, настроилъ гитару, сыгралъ и спѣлъ, самъ для себя, старинную италіянскую арійку, которую выучилъ его одинъ, очень нѣжный, вѣковѣчный капитанъ—лейтенантъ, бывшій еще въ знаменитомъ Корфинскомъ походѣ — положилъ гитару, и воспламенившись, по возможности, воспоминаніями минувшихъ дней, принялъ сочинять посланіе къ надеждѣ, вѣрѣ и любви. Несносный, докучливый баронъ удушилъ было въ Смарагдѣ послѣднюю искру даровитости

его и даже намеднишнее приключение, котораго поэтъ нашъ такъ давно искалъ и жаждалъ, какъ вдохновенія самаго возвышенаго и могучаго, доселѣ еще не имѣло никакихъ послѣдствій. Пытка барона словно окатила Смарагда ведромъ студеной воды. Надобно было наверстать, по возможности, утраченное.

Адель фонъ Адельсбургъ возвращался домой съ твердымъ намѣреніемъ сказать малолѣткѣ своему краснорѣчивое, обстоятельное и убѣдительное слово, о существенной пользѣ высшей и низшей тактики, подразумѣвая въ послѣдней собственно искусство маршированія; а воинственный, рыцарскій духъ барона и изъ этой прозы извлекъ для себя свою поэзію — и такъ баронъ вошелъ, изготавливъ назидательную рѣчь свою, когда услышалъ, что Смарагда уже нѣть, и нѣть гитары его, ни чемодана. Баронъ изумился и глядѣль съ четверть часа на деньщика своего глазами съ большую помадную банку; а деньщикъ, знакомый уже давно съ этимъ безсмысленнымъ взоромъ, продолжалъ

преспокойно обстоятельный рассказъ свой о случившемся, и въ заключеніе подалъ оставленную Поцѣлуевымъ записку. Баронъ прочель ее молча, походилъ сокрушительными шагами по комнатѣ и разразился въ проклятіяхъ на людскую неблагодарность.

Межу тѣмъ надобно отдать каждому должное: не баронъ распустилъ слухъ, который не безъ причины огорчилъ столько нашего поэта: деньщикъ Аделя фонъ Адельсбурга слышалъ весь разговоръ барина своего съ Поцѣлуевымъ, и былъ прямой виновникъ распущеныхъ сплетней. — Кирюшка, ловкій, молодой парень, изъ господскихъ, былъ отданъ бариномъ въ солдаты, если вѣрить словамъ раскащика, собственно за вольность противу женскаго пола; вотъ почему все, относящееся къ этой статьѣ, его очень занимало; онъ наострилъ уши, когда рѣчь пошла по этой части, рассказалъ потомъ все, что слышалъ, пріятелю своему, кучеру *Портоваго*, какъ его обыкновенно въ Николаевѣ называли, то есть капитана надъ

портомъ; кучерь, при случай, во время общаго сбора въ людской, за ужиномъ, рассказалъ тоже горничнымъ, а отъ этихъ немногого дороги осталось и до барыни и барышень. — Такимъ образомъ вѣсть эта побѣжала, махнувъ хвостомъ какъ брыкливая кобыла, по цѣлому городу и дошла наконецъ до самого Смарагда, съ замѣчаніемъ, что баронъ Адель фонъ Адельсбургъ все это *самъ видылъ*. Послѣднее обстоятельство совершенно убѣдило Поцѣлуева, что баронъ былъ вѣстовщикомъ; иначе кто бы могъ знать, что онъ самъ все это видѣлъ? — Вотъ вамъ обращикъ того, что называются сплетнями, отъ которыхъ бываетъ на свѣтѣ столько бѣдъ и горя, и которыя рождаются, и плодятся словно мыши въ подпольѣ и прусаки за печкой.

ГЛАВА 12.

ПРИВѢСОКЪ ИЛИ
НЕДОВѢСОКЪ.

Глава, которую можно и не читать.

—
А дивное это дѣло, братья и сестрицы, какъ мы пилимъ сами себя и другъ друга причудами своими, обмолвками, недомолвками, догадками, сомнѣніями, сплетнями, мелочью, бездѣльною неуступчивостію! тебя томить и гложеть какое-то беспокойство, ты самъ собою недоволенъ, самъ на себя сердитъ, а пеняешь и гнѣваешься на людей; ты, можетъ статься, и самъ видишь, что оно не ладно, и это тебя раздражаетъ еще болѣе, ты совладать съ собою не умѣешь, подавить сердца своего не можешь, сознаться, что ты виноватъ, самъ въ дуракахъ, не хочешь — а коли тебѣ быть правымъ, такъ надо виноватить другаго. Бѣдовое это дѣло, ей Богу, бѣдовое! Знаю я это по себѣ и по

другимъ, и знать чай всякий, кто побольше, кто поменьше, да не каждый признается, а скажеть опять таки: не я виновать, а люди. Да оно такъ и выходитъ; всѣ говорятьъ: люди виноваты — мы указываемъ на другихъ, другіе на насъ — круговая порука. Эти—то отношенія мутятъ чистый источникъ нашей жизни, отправляютъ каждую насущную кроху и каплю. Эти мелочи, бездѣлки суетной жизни, въ быту нашемъ важнѣе и полновѣснѣе всякой большой бѣды и всякаго зла и горя. У меня умреть сынъ, отецъ, жена, сгорить домъ, пропадеть имѣнье, я обнищаю — и во мнѣ, вслѣдъ за бѣдою, рождается смиреніе: Богъ далъ, Богъ и взяль, говорю я; поплачу за сыномъ, погрущу за женой, призадумаюсь и надъ своимъ послѣднимъ часомъ, вздохну, и съ умиленіемъ приступаю вновь къ смиренной жизни своей! Въ самой неутѣшной скорби этой, есть что—то уладительное, чувство любви и привязанности къ тому, кого я положилъ въ могилу. Домъ сгорѣлъ — и я, сосчитавъ своихъ, благодарю горячею

молитвою Создателя, что онъ пощадиль ихъ, покоряюсь волѣ его, начинаю жить и дышать снова — и жизнь мнѣ вдвойнѣ дороже: домашній кругъ мой смыкается тѣснѣе, ближе, и я въ душѣ, можетъ статься, такъ счастливъ, какъ не бывалъ и прежде, когда жилъ въ избыткѣ. — И такъ, большое горе забыто; я пересилилъ его, перемогся, вынесъ, на душѣ легче, въ головѣ свѣтлѣе, въ груди у меня спокойнѣе — иногда и самолюбіе мнѣ льстить; я тайно и втихомолку называю себя полумудрецомъ, который превыше всѣхъ ударовъ рока — но.... ежедневныя бездѣльныя дрязги, шаршавая сторона жизни, соръ и осадокъ обусловленнаго быта нашего, взаимныя пренія, пустячныя, мелочныя, недостойныя, пресмыкающіяся.... о, онѣ гложутъ, точать, какъ червь, и мукамъ этимъ нѣть конца. Отъ утра и до вечера, на каждомъ шагу, все тоже и тоже — и если бы въ суткахъ было 36 часовъ, и тогда было бы тоже, и вздору этого стало бы на то, чтобы отравить мнѣ 36 часовъ, какъ нынѣ 24.

Бессильный, слабый, ничтожный! такъ; плоть возметъ свое, разсуждай какъ хочешь, умудряйся какъ знаешь! Духъ твой силенъ и могучъ, тамъ, гдѣ онъ проснется, гдѣ громкое событие, могучій толчокъ, заставлять его бодрствовать: тамъ онъ, мужаясь, встанетъ и несетъ, не упадая, тяжкое бремя свое; но мелочныя дрязги житейскихъ заботъ утомляютъ его и сокрушаютъ, и плоть торжествуетъ. Тогда человѣкъ бываетъ иногда несносенъ, покуда наконецъ не выведеть изъ терпѣнія и себя и другихъ; туча разразится, хлынетъ дождь или градъ и — брюзга опомнится, очнется; проглянетъ солнышко, настанетъ ведро. Ведро и ненастье — ненастье и ведро — чередуются во всей природѣ и — въ душѣ человѣка также.

А время летить — о, летить! покуда мы мечемся мотылями и мотыгами во всѣ стороны, забываемся, ни о чёмъ не думаемъ — все хорошо и гладко; а какъ опомнишься, станешь, да призадумаешься, да еще оглянешься назадъ — куда какъ летить оно!

ГЛАВА 13.

СѢЛЪ ДА ПОѢХАЛЬ.

—
Въ первый разъ отъ рода Поцѣлуевъ поссорился и разошелся съ человѣкомъ такимъ образомъ; но опытность достается намъ не даромъ. Въ Смарагдѣ осталось какое–то непріятное воспоминаніе, котораго онъ долго не могъ выжить, сколько ни увѣрялъ себя, что онъ поступилъ хорошо, что иначе нельзя было кончить дѣло, что всему виноватъ одинъ баронъ и больше никто. Къ этому пристало въ добавокъ еще другое, не менѣе тревожное чувство: Смарагдѣ въ первый разъ еще увидѣль себя предметомъ общаго разговора въ городѣ; судили, рядили, охуждали, оправдывали, обвиняли — каждый пересказывалъ дѣло по своему; мало при томъ щадили и бѣдную Надежду и это вдвойнѣ оскорбляло доброго Смарагда. Онъ поневолѣ сталъ менѣе показываться въ люди; товарищи приставали къ нему, допрашивали его, за

чѣмъ онъ разошелся съ барономъ, за чѣмъ вдругъ стала жить затворникомъ, когда бывало облетываль день за день десять, пятнадцать домовъ? Все это досаждало, докучало Смарагду, огорчало его до того, что онъ стала искать временной командировки и съ радостнымъ сердцемъ поскакаль на почтовыхъ въ Севастополь, чтобы, при первомъ открытии судоходства, занять должностное мѣстечко на фрегатѣ Россіянка и отправиться на ней въ Сухумъ—Кале, крѣпостцу нашу, на Абхазскомъ, Восточномъ берегу Чернаго моря.

Легче вздохнулось Смарагду, когда онъ выѣхалъ изъ *все—восточной* заставы Николаевской, какъ называютъ ее наши ефрейторы, при утреннихъ рапортахъ своихъ: на этомъ мѣстѣ мысъ, на которомъ городъ стоитъ между двумя рѣками, Бугомъ и Ингуломъ, перехваченъ, во время чумы 1812 года, рогатками, и съ того же времени существуетъ Восточная застава. — По этой дорогѣ Смарагдъ скользилъ черезъ Херсонъ и Перекопъ по ровной, гладкой, однообразной степи, не видавъ ничего,

кромъ выюги и метели; но въ Симферополь прикатили его уже на колесахъ, хотя только январь быль на исходѣ. — Когда же Смарагдъ переправлялся въ Севастополь, черезъ Сѣверную бухту, то быль пріятно изумленъ: городокъ лежить довольно живописно, на склонѣ горы, упирающейся въ зеленое море; кровля висить, уступами, надъ кровлей, а прихотливое воображеніе расписываетъ за горой этой, горы и долины, водопады, кизилевые рощи, величественный Чатыръ-дагъ и южный берегъ Крыма, со всѣми чарами и прелестями его. Поцѣлуевъ снова распростеръ объятія и готовъ быль обнять цѣлый міръ — не исключая даже и будущаго начальника своего, командира Россіянки, довольно несноснаго грека, котораго зналъ уже по наслышкѣ.

ГЛАВА 14.

АРХОНТЬ.

—
Прибывъ въ Севастополь, Поцѣлуевъ отыскалъ себѣ комнату во второмъ жильѣ, напился чаю и какъ это было уже довольно поздно, то и легъ отдохнуть съ дороги, съ тѣмъ, чтобы утромъ пораньше отправиться для явки къ флотскому начальнику и своему капитану.

Утромъ, когда Смарагдъ началъ одѣваться и деньщикъ его вытеребилъ изъ чемодана за хвосты шитый съ якоремъ мундиръ, вошелъ хозяинъ дома, плотный, черноглазый грекъ, въ широкихъ черныхъ шароварахъ и черной курткѣ. «Вы меня знаете?» спросилъ онъ безъ обиняковъ, и на отрицательный отвѣтъ Поцѣлуева, очень изумился и началъ объяснять ему, бѣглымъ, но ломанымъ языкомъ, растопыривая пальцы обѣихъ рукъ по два и по три, что онъ вотъ такой–то *Пуло* или *Муло*, родной братъ командира фрегата

Россіянки, капитанъ—лейтенанта, хотя этотъ и признаитъ его въ людяхъ только братомъ двоюроднымъ; что они съ братомъ точно и дѣйствительно происходять прямымъ трактомъ отъ Архонта древней Гречіи, славнаго Евридипа, и что они, точно, дѣйствительно, братья родные — при этомъ Пуло подняль два пальца, развелъ ихъ и свель опять вмѣстѣ — но что братъ его Исократъ, зазнаится не много, а впрочемъ предобрый человѣкъ, и глазъ на глазъ съ нимъ, или въ своеемъ обществѣ, братства не чурается. — Для Смарагда все это, правда, было немножко ново; онъ однако же попросиль роднаго брата начальника своего сѣсть и занималь его съ четверть часа какъ гостя. — Потомокъ Архонта разговорился до того, что рассказалъ уже почти всѣ дивные походы и похожденія свои по островамъ Средиземнаго моря, прикидываясь старымъ и бывалымъ морякомъ, когда вошелъ деньщикъ Поцѣлуева, тертый Севастопольскій матросъ, и сказалъ безъ обиняковъ хозяину: «что сидишь тутъ

да балагуришь? тамъ пришли за тобой, спрашивають тебя въ лавочкѣ.» Будущій воитель за *свуя утечества*, за вольность Греціи, всталъ, раскланялся и ушелъ.

«Въ какую лавочку ты позвалъ хозяина, Никифоръ?» спросилъ Поцѣлуевъ, ничего не понимая.

— Да въ свою; — отвѣчалъ тотъ.

«Какъ въ свою? какая жъ у тебя тутъ лавочка?»

— У меня нѣтъ, да у него есть. У него своя лавочка подъ нами, тамъ его за чѣмъто спрашивали, прибѣгалъ оттолѣ малосольный гречонокъ. —

«Чѣмъ же онъ торгуетъ?»

— Да извѣстно, такъ, съ пуговки на петельку перебивается: изюмомъ, орѣхами, оливками, финиками, табакомъ, балыками. Есть у него и трубки, да дрянныя, смотрѣль я, стамбулокъ нѣтъ; вотъ у сосѣда есть настоящія. —

«Вотъ въ какую я землю заѣхаль,» подумалъ про себя Поцѣлуевъ — одѣлся и пошелъ явиться. — Проходя мимо лавочки своего хозяина, потомка знаменитаго

Архонта Евридила, Смарагдъ видѣль, какъ тотъ обвѣшивалъ жида—портнаго на двухъ золотникахъ чернаго шелку и спорилъ и кричалъ, между тѣмъ какъ жидъ бранилъ его и увѣрялъ всякаго, кому угодно было послушать, что онъ поймалъ этого мошенника уже въ другой разъ на обвѣсѣ. Усатый плутъ, увидѣвъ Смарагда, звалъ его въ свидѣтели; но этотъ спѣшилъ скорѣе пройти и убраться.

ГЛАВА 15.

ПОЦѢЛУЙ № 2—Й.

Архонтъ — такъ мы будемъ называть отца и командира Россіянки, а имя его, которое оканчивалось, какъ сказалъ я, на *пуло* или *муло*, оставимъ въ покоѣ — Архонтъ принялъ Смарагда, какъ Николаевскаго, повѣжливѣе обыкновеннаго; шепеляя, или собственно присусыкивая, онъ сказалъ ему нѣсколько

снисходительныхъ словъ: «оцень радъ, сто будемъ слузить вмѣстѣ,» — и тому подобное. — Смарагдъ думалъ видѣть почтенного хозяина своего, только безъ усовъ и въ мундирномъ сюртукѣ; такъ схожи были оба брата.

Смарагду досталось пожить въ Севастополѣ, по случаю разныхъ задержекъ въ отправлениі Россіянки, добрыхъ два мѣсяца. Не слишкомъ гоняясь за входомъ въ свѣтское общество, Поцѣлуевъ замѣтилъ однако же вскорѣ большую разницу между бытомъ въ Николаевѣ и въ Севастополѣ. Тамъ молодыхъ офицеровъ было не слишкомъ много, въ нихъ даже иногда нуждались, въ наши времена отчаянной пляски, и, сверхъ того, это были, большею частію, матушкины дѣтки; тутъ, напротивъ, въ Севастополѣ, городокъ былъ заваленъ мичманами, и для нихъ, кромѣ избранныхъ, въ гостинныхъ лишняго мѣста не было; женатые моряки, какъ люди большею частію безъ достатка, жили очень скромно, уединенно; у портовыхъ былъ уже свой знакомый кругъ,

а шаловливой холостежи столько, что семейные люди были здѣсь разборчивы и осторожны. Жизнь первыхъ по неволѣ была скучная, одинокая и если не распутная, то, по крайности, безпутная. Занятій и развлеченій, кромѣ служебныхъ, почти никакихъ; знакомство и бесѣда почти только промежду собою; поживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, молодому человѣку трудно оставаться такимъ, чтобы онъ былъ опять на свое мѣстѣ, въ своей тарелкѣ, если пріобщить его снова къ хорошему, свѣтскому обществу; онъ отвыкнетъ, отстанетъ, одичаетъ; и пріемы не тѣ, и не то на умѣ. Просимъ замѣтить, что все это мы говоримъ о времени не нынѣшнемъ, а бываломъ.

Но со Смарагдомъ былъ въ Севастополь случай, о которомъ надобно упомянуть. Выпросивъ у капитана своего шлюбку, Поцѣлуевъ, съ двумя товарищами, отправился въ одно утро осмотрѣть Акерманъ, какъ его здѣсь обыкновенно называютъ, или Инкерманъ, какъ его называть должно. Расхаживая тамъ по

обширнымъ пещерамъ, высѣченнымъ, какъ говорятъ, генуезцами, въ известковой скалѣ, мичмана наши встрѣтили общество, гдѣ было также нѣсколько женщинъ. Смарагдъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ нѣсколько разъ, мимоходомъ, на прекрасное лицо одной изъ дѣвицъ, въ которой необыкновенно правильныя черты, изящный погибъ носа и лбяной кости, особенно погибъ свода глазнаго, края его, бровь, рѣсницы и черныя очи изобличали греческую кровь. Случилось, что общество это отправилось изъ Инкермана, водою же, вмѣстѣ съ нашими мичманами — а можетъ быть эти и не безъ намѣренія такъ подогнали и приоровили свой часъ отъѣзда. Общество усѣлось на шлюбкахъ и катерѣ, а наши молодцы отвалили въ слѣдъ за ними. Красавица сидѣла съ теткою своею и другими на третьей шлюбкѣ. Шли подъ парусами почти въ полвѣтра; какой-то разудалый, отчаянный констапель, провожатый красавицы, управляя рулемъ, вздумалъ прикинуться старымъ и бывалымъ морякомъ; началь командовать и

распоряжаться, хотѣль обогнать передовыхъ и не успѣль оглянуться, какъ шквалъ удариль въ паруса и шлюбка, очутившись вверхъ килемъ, нашего констапеля накрыла. Констапель констапелемъ, но тутъ были и другіе. Поцѣлуевъ успѣль только закричать матросамъ своимъ: паруса долой, схватить конецъ какой то снасти и кинуться въ воду — какъ шлюбка его летѣла уже мимо самого поприща кораблекрушенія. Смарагдъ рванулся изо всѣхъ силъ, не упуская конца изъ рукъ, ухватиль утопавшую незнакомку свою за платье и былъ вытащенъ матросомъ, за веревку, на яликъ, который въ тотъ же мигъ пронесло и сбило вѣтромъ и волненіемъ въ сторону. Тогда только передовая шлюбка и тяжелый катерь успѣли опустить паруса и выкинуть висла, чтобы спасать погибающихъ; но двое изъ нихъ утонули и въ томъ числѣ бѣдная тетка. Смарагдъ поучился немного плавать у извѣстнаго дикаря—француза Кобри, который былъ вывезенъ однимъ изъ кругосвѣтныхъ плавателей нашихъ съ

другаго полушарія и состояль тогда учителемъ плаванія при морскомъ корпусѣ. Смуглое, расписанное синей краской лицо этого земноводнаго, было въ странной противоположности съ нашимъ мундиромъ; но за то для Кобри вода представляла ту только разницу отъ земли, что была мокра; а жить, казалось, ему было одинаково хорошо и тутъ и тамъ.

Грѣшный я человѣкъ — а скажу правду: Смарагдъ при этомъ дѣлѣ покривиль душой. Когда онъ кинулся въ море, несчастная тетка была у него всѣхъ ближе подъ руками; но онъ словно не видѣлъ предсмертной, судорожной борьбы ея съ соленою стихіею, словно не слышаль отчаяннаго, дикаго крика — онъ проплылъ мимо, оставилъ ее въ трехъ шагахъ за собою и выхватилъ изъ полусомкнутыхъ уже челюстей страшной смерти, молодую, очаровательную гречанку. —

Смарагдъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ это невольно, безъ самосознанія, безъ размышенія; по крайней мѣрѣ обдумывая послѣ, на свободѣ, какъ и что было, онъ не

МОГЪ ОТДАТЬ СЕБѢ ВЪ ЭТОМЪ НИКАКОГО
ОТЧЕТА; — но все таки онъ быль виною
смерти бѣдной тетки; онъ могъ спасти ее и
далъ ей утонуть, испить эту горькую,
соленую смерть, и предпочель старухѣ
молодую, за то только, что она была
молодыи и хороша. Отъ чего это и почему?
какъ объяснить такой невольный порывъ и
сколько правъ тутъ Смарагдъ и сколько
виноватъ?

Отецъ молодой красавицы, на первый
случай по крайней мѣрѣ, не пускался въ
разборъ этого душесловнаго вопроса, хотя
и видѣлъ, можетъ быть, какъ дѣло
происходило. Онъ подоспѣлъ на катерѣ въ
то самое время, когда мичмана укладывали
дочь его на плащахъ своихъ и ими же ее
накрывали. Онъ кинулся въ яликъ,
дрожаль, плакаль, рыдалъ, цѣловалъ дочь,
обнималъ всѣхъ, потомъ вынуль
бумажникъ и отдалъ его четыремъ гребцамъ
мичманскаго ялика. Подняли паруса и
спѣшили добраться до пристани и домой.

Отецъ этотъ быль русскій, зажиточный
помѣщикъ, переселившійся еще въ

молодыхъ лѣтахъ въ Крымъ и занявшійся тамъ разводкою и обработкою винограда и шелка. Женившись на гречанкѣ, онъ былъ отцемъ, спасенной Поцѣлуевымъ, образцовой красавицы. Онъ не зналъ чѣмъ доказать безконечную благодарность свою; отыскавъ на другой же день спасителя дочери, онъ плакалъ передъ нимъ какъ ребенокъ, становился на колѣни и умоляль принять, въ знакъ благодарности, перстень съ руки ея и десять тысячъ рублей. Поцѣлуевъ съ жадностю ухватился за цвѣтной перстень, а отъ денегъ, по общепринятому у нась предразсудку, рѣшительно отказался. Старикъ долженъ былъ наконецъ уйти, взявъ съ Поцѣлуева священное обѣщаніе, что онъ обратится къ тому, кому спасъ единственное дѣтище, при первой нуждѣ или потребности; что будетъ стараться дать ему случай отслужить, хотя бездѣльными услугами, благодѣяніе, на которое нѣть цѣны. Кроме того, Смарагдъ долженъ быть явиться передъ спасеною имъ дѣвушкою лично, выслушать очаровательный лепетъ признательности ея,

и принять, по настоянію отца, дѣственныій ея поцѣлуй. И такъ поэтъ нашъ наконецъ таки опять добился до вдохновительного поцѣлуя!

Можете себѣ представить, что Смарагдъ нашъ былъ совершенно счастливъ: онъ какъ-то чувствовалъ себя, выросъ въ сутки на цѣлую четверть; и съ этой самой минуты началъ въ немъ совершаться переворотъ, переходъ отъ юноши къ мужу. Счастливое событие въ Инкерманѣ много облегчило доброму Смарагду перенести, не унывая духомъ, не упадая, самый приступъ, начало, этого критического перелома: оно озарило, единожды на всегда, розовымъ отблескомъ предстоявшій юношѣ горькій опытъ въ познаніи свѣта и людей, и если и не могло, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, предохранить Смарагда отъ этихъ порывовъ отчаянья, безотчетнаго внутренняго томленія и беспокойства, то, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе этого драгоцѣннаго дня услужливо расписывало ему всѣ предметы радужными цвѣтами и онъ берегъ и цѣнилъ это завѣтное, граненое стеклышко свое,

заглядывалъ въ него частенько и не безъ отрады.

«О поэзія!» подумалъ Смарагдъ, потирая руки, когда пиль вечеромъ одинъ свой чай, «вотъ чистая поэзія! Вотъ гдѣ искать вдохновенія!» И сѣлъ, и написалъ безмѣрно пышный приступъ къ какой–то поэмѣ.

ГЛАВА 16.

РОССІЯНКА НА ПРОСТОРЪ.

Вскорѣ фрегатъ вытянулся на рейдъ и Смарагдъ не считалъ себя болѣе жителемъ Севастополя: онъ былъ уже гражданинъ Россіянки. Тамъ его сабля, тамъ его койка, тамъ его записки, и много начатыхъ стихотвореній. Тамъ гитара, тамъ онъ расхаживаетъ и самъ, съ перстенькомъ на лѣвомъ мизинцѣ, и ему думается, что это

золотая медаль на Владимірской лентѣ, съ надписью: *за спасеніе погибшихъ*.

Между тѣмъ насталъ и день отплытія. Въ 10 часовъ утра, капитанъ вышелъ на штанцы и приказалъ сниматься съ якоря. Старшій лейтенантъ принялъ команду; когда онъ взялъ со шпилля рупоръ, сунувъ его подъ мышку, то боцманъ выхватилъ дудку свою и разстановивши на ней пальцы, ожидалъ команднаго слова. Офицеры всѣ вышли, капитанъ расхаживалъ одинъ по правой сторонѣ штанецъ, старшій лейтенантъ прокомандовалъ: *свисти на верхъ* — боцманскій свистокъ раздался надъ гrottъ люкомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ слова: пошоль всѣ на верхъ!

Матросы выскочили бѣгомъ, ютовые на ють, штанечные на штанцы, баковые на бакъ, а марсовые стали по бортамъ, ухватившись одной рукой за ванты и провожая глазами лейтенанта.

Звучно раздавался ясный голосъ его, боцманское *есть!* вторило ему, и кромѣ этихъ двухъ голосовъ, свистка и топота, не было слышно ни звука: изрѣдка только

урядники въ полголоса повторяли и передавали тутъ или тамъ команду лейтенанта и свистокъ боцмана — наконецъ Россіянка, за словомъ боцмана: всталъ якорь! распахнула крылья свои, взмахнула ими; лейтенантъ скомандовалъ: «кливеръ подымай! на брасы, на лѣвую — право руля!» и красавица быстро и мѣрно покатилась подъ вѣтеръ, въ лѣво, описала полоборота и, по слову лейтенанта «одерживай!» закачалась, будто бы у нея закружилась отъ быстраго оборота голова; потомъ двинулась она впередъ, распахнула бизань, брамсели и вода запѣнилась подъ водорѣзомъ, и рулевой уже поглядывалъ на компасъ, матросы прибирали снасти, вымбовки, а боцманъ, сидя верхомъ на кранбалкѣ, управлялся съ неповоротливымъ подчиненнымъ своимъ, господиномъ плехтомъ, въ которомъ было, по надписи, вѣсу 203 пуда. Онъ упрямо упирался желѣзными лапами своими въ бортъ, не охотно повинуясь неизмѣнной части своей, быть посажену на цѣпь, до новой стоянки; но боцманъ его пересилилъ:

повѣсиль на пертулинъ, подвель рустовъ, желѣзную цѣпь, и узникъ смирился.

Берега бѣжали, чайки вились, свинки играли, перекидываясь черезъ голову, кудрявая волна гналась за волной — и Россіянка уже обогнула древній Херсонесъ, Балаклаву, уже быстро летѣла мимо Аюдага, мимо южныхъ береговъ нашего Крыма. Смарагдъ, въ должности, стоялъ на бакѣ, облокотясь о лѣвый бортъ, и глядѣлъ на новую для него природу, на живописныя скалы, на синій Чатыръ-дагъ; Архонтъ ушелъ въ свою каюту; офицеры разбрелись, половина команды осталась на вахтѣ, другая половина ушла на низъ; свѣжій брамсельный вѣтерокъ игралъ въ снастяхъ и парусахъ и только изрѣдка раздавался въ тишинѣ этой голось вахтенного: *на брамфалахъ стоять!* и Смарагдъ самъ отвѣчалъ: *есть!* и гордился отвѣтомъ этимъ и должностю своею, тѣмъ, что и онъ теперь уже что нибудь да значиль — у него стало на душѣ какъ-то тепло и отрадно, ему хотѣлось обнять прекрасную Россіянку, такъ онъ полюбилъ ее, гордую,

пышную, смѣлую — онъ въ туже минуту, не читавъ Саламандры, сравнилъ Россіянку свою съ дѣвой, которой придалъ всѣ возможныя качества и совершенства и, задумавшись, кивнуль головою, въ знакъ согласія, когда самъ себя спросиль, сколько лѣтъ дать дѣвицѣ этой? и самъ же себѣ отвѣчалъ: шестнадцать — и въ слѣдъ за тѣмъ взглянуль на голубое небо, улыбнулся и, положивъ записную книжечку свою на бортъ, написаль:

**Шестнадцать лѣтъ — магическое
слово!**

**Отрадно вымолвить:
шестнадцать лѣтъ;**

**О, какъ свѣжо, какъ молодо и
ново**

**Звучить въ груди моей:
шестнадцать лѣтъ....**

призадумался и положилъ книжечку въ карманъ.

Изъ этого читатели видять, что Смарагдъ прилежно читывалъ Карамзина и

началь было писать что–то въ родѣ тріолета.

ГЛАВА 17.

СМЕРТЬ РОССІЯНКИ.

Вѣтеръ подулъ отъ запада, а слѣдовательно самый попутный для нашей Россіянки, и на третыи сутки матросъ съ форъ–марса, подъ вечеръ, закричалъ: берегъ видень! — Милая землячка наша доплыла до Абхазіи; и, на другой день, бросила тяжелый плехть свой на Сухумскомъ рейдѣ, то есть, стала на якорь, противу крѣпостцы нашей Сухумъ–кале.

Какъ весело смотрѣть на это, съ берегу, когда величественный, изящный фрегатъ становится на якорь! сначала все мертвѣ и тихо на немъ, не видать ни души — лебедь несется на широкихъ, бѣлыхъ крылахъ своихъ, рѣеть по волнамъ, разсѣкаетъ ихъ, прилегаетъ на бокъ, какъ удалой вершникъ,

который, избоченясь, несется во весь опоръ — вдругъ вы слышите свистокъ и реи полетѣли на низъ, паруса осѣли — и вслѣдъ за тѣмъ народъ, какъ муравы, разползся по чернымъ снастямъ — еще свистокъ, еще и еще — нижніе углы и края парусовъ отдѣляются отъ реевъ, подымаются вверхъ, больше и больше; народъ разбѣгается по реямъ — и парусовъ какъ не бывало; Россіянка обратилась уже грудью къ вѣтру, какъ роскошная красавица, которая вышла подышать свѣжимъ воздухомъ; съ кормы развѣвается только флагъ нашъ съ Андреевскимъ крестомъ, и гребное судно уже отваливаеть и летить, подъ мѣрными ударами могучихъ гребцовъ, быстро къ берегу. Но — пора къ дѣлу.

Дней пять спустя, Россіянка все еще стояла на томъ же мѣстѣ, противъ Сухумъ-кале, а юго-западный вѣтеръ завывалъ не на шутку, и по тому же направленію небосклонъ темнѣль болѣе и болѣе. Старшій лейтенантъ докладывалъ уже дважды капитану, что давно бы пора сняться съ якоря, и отойти отъ береговъ,

которые не обѣщаютъ Россіянкѣ нашей никакой защиты; но фрегату нуженъ былъ лѣсь, на разныя подѣлки, и Архонть, въ этотъ самый день, послалъ уже съ расвѣтомъ небольшую команду въ горы, вырубить и привезти нѣсколько орѣховыхъ кряжей. По этому ему и не хотѣлось отойти отъ береговъ; онъ поджидалъ каждую минуту команду свою съ орѣхомъ и утѣшаль этимъ вахтенного лейтенанта.

И такъ, Россіянка, почуявъ бурю, спустила и убрала верхнія реи и стенги, какъ улитка, которая вбираетъ рожки свои, при малѣйшемъ прикосновеніи; вытравила еще сажень двадцать канату и готовилась встрѣтить непріятеля грудью.

Время было за полночь. Страшно завывалъ ураганъ; Россіянка вздрагивала всѣмъ тѣломъ, при каждомъ ударѣ разъяренныхъ валовъ; ущипнувшись желѣзными перстами въ дно морское, казалось, напрягала она всѣ силы свои, чтобы удержаться, какъ человѣкъ, висящій на рукахъ своихъ надъ бездной. Вахтенный лейтенантъ ходилъ взадъ и впередъ и

покрикивалъ: на лотъ, не дремать! *есть* — отвѣчалъ лотовой, держа въ рукахъ конецъ веревки, на которой опущено было на дно морское 36 фунтовое ядро — *есть*, и въ слѣдъ за тѣмъ заревѣль дикимъ голосомъ: дрейфить, дрейфить!

«Трави канать!» раздался громовыи голосъ лейтенанта, «трави канать! Смарагдъ Петровичъ, бѣгите скорѣй, торопите ихъ, да приглядите, чтобы не засучило канать, чтобы травили черезъ битенгъ!»

И когда глухой, непрерывный и пронзительный стукъ каната по битенгу и обитому свинцомъ клюзу раздался, и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ и суставамъ фрегата, а къ этому еще рѣзкій голосъ лейтенанта и шопотъ команды внизу и вверху, въ палубѣ и на шханцахъ — то капитанъ, догадавшись въ чемъ дѣло, на скоро одѣлся и вышелъ.

Вытравили еще сажень 20 канату, лейтенантъ стоялъ вплоть у лотоваго и смотрѣлъ на лотъ: казалось, якорь опять забралъ. Россіянка размашисто качалась во всю длину свою, носъ и корма поочередно

ныряли и вздымались; но фрегатъ стоялъ на мѣстѣ, глухо стональ отъ страшныхъ, богатырскихъ ударовъ водяныхъ исполиновъ, и не могъ даже всплыть, по обычаю своему, полною грудью на хребты этихъ движущихся громадъ: огромный валъ за валомъ ударялъ въ Россіянку, она усилино пыталась каждый разъ подняться, перелетѣть этотъ встрѣчный хребетъ, и задержанная толстымъ, въ перехватъ, канатомъ, сильно вздрогивала всѣмъ тѣломъ своимъ и, казалось, готова была нырнуть, пропустить валъ черезъ себя; огромные всплески обмывали всю поверхность страдалицы; отъ гальюна до самого гака-борта, не было уже сухаго мѣста. Борты давно были закрыты, — люки закрыты — но ураганъ свирѣпѣлъ, съ минуты на минуту, и лотовой опять уже завывалъ: дрейфить!

Когда вытравленъ былъ весь канатъ, брошенъ другой якорь, спущены стенги и бѣдная Россіянка все еще не могла удержаться на мѣстѣ, а выбившись изъ силъ дрожала и стонала громче и громче —

тогда оставалось одно: рубить канатъ и бороться съ ураганомъ подъ нижними парусами. Свистокъ боцмана и краткое *авраль* раздались надъ люкомъ, и вся команда, деньщики и мастеровые, офицеры и самъ капитанъ не сходили уже съ верху. Отрубили канаты, поставили, съ величайшимъ трудомъ, нижніе стаксели, штормовую бизань и зарифленный фокъ, чтобы нести сколько можно болѣе парусовъ, четыре лучшихъ рулевыхъ стали на свое мѣсто и лейтенантъ безпрестанно покрикивалъ, глядя на паруса: «придерживайсѧ — держи круче — клади больше руля, клади смѣлѣй!»

Свободнѣе вздохнула Россіянка на просторѣ, смѣло легла на бокъ, взлетала на хребты и спускалась въ пропасти — но не долго могла бороться со свирѣпымъ противникомъ. Бѣдная Россіянка! послушная, бывало, рулю, она катилась, описывая дугу по небосклону, когда старый рулевой клалъ только опытную руку свою на рукоять штурвала; а теперь — руль на бортѣ, фокъ—стаксель убранъ, фокъ

изорванъ въ мохры, а она стонеть, и ныряетъ, и всплываетъ, и летить стрѣлой, все по одному направленію, забыла оть страха все, и самую дисциплину, и не идеть къ вѣтру, не слушаетъ руля!

Когда расвѣло, Россіянка все еще боролась, все еще билась — но ее уже прижало къ приглубому берегу, и нѣть надежды на спасенье! бѣдная! какъ она за ночь измѣнилась! гдѣ прекрасный, стройный рангоутъ ея, который такъ гордо и смѣло высился подъ небеса? — уранъ, спущенъ, или поломанъ: его уже нѣть; Россіянка изнемогаетъ, испускаетъ только оть времени до времени послѣдніе, отчаянные стоны и говорить дымящимся жерломъ двадцати—четырехъ—фунтовой каронады: я погибаю! спасайте, спасайте! А когда хищныя толпы горцевъ натекли со всѣхъ сторонъ съ высотъ валунами на берегъ, изъявляя неистовыми криками радость свою и надежду на богатую добычу, когда толпа эта стала, забавляясь, стрѣлять въ бѣдствующій фрегатъ, хотя пули и не могли долетать до мѣты, тогда

Россіянка боролась, какъ разъяренная, издыхающая отъ ранъ львица въ предсмертныхъ судорогахъ, со стихіями и, въ тоже время, грозно мстила дерзкимъ оскорбителямъ своимъ: стоная изрыгала она огнь и смерть: рыкая, какъ звѣрь пустынь африканскихъ, посыпала она боевые заряды свои; выстрѣлы раздавались чаще и звучнѣе и, разогнавъ въ одну минуту хищниковъ, казалось, она просила еще убѣдительнѣе прежняго: спасите, спасите! Россіянка молить и умоляеть о спасеніи дѣтей своихъ, не о себѣ!

Наконецъ, силы доблестной землячки нашей истощились; страшное волненіе, которое развело западнымъ вѣтромъ во всю ширину бездонного моря, на которомъ нѣть ни одной отмели, ни одного острова, за исключеніемъ развѣ одного только островка, у западныхъ береговъ, известного подъ именемъ Змѣинаго — страшное, громадное волненіе бездонной влаги этой образовало такой прибой къ открытымъ восточнымъ берегамъ, что уже ничего не оставалось, какъ отдаваться на произволъ

судьбы и думать только о собственномъ своемъ спасеніи.

Надобно отдать нашему Архонту справедливость: онъ быль хороший морякъ и офицеръ съ духомъ. Когда гибель сдѣлалась неизбѣжной, онъ самъ принялъ команду, самъ подаваль примѣръ хладнокровія и разсудительности, и до послѣдней минуты все на фрегатѣ было въ величайшемъ порядкѣ. Старшій лейтенантъ быль одинъ изъ тѣхъ страстныхъ моряковъ, которые бывають дома только на шханцахъ; земля подъ ногами досаждаетъ этимъ людямъ на каждомъ шагу; если завезти ихъ на сто верстъ отъ портоваго города, то съ ними дѣлается удушье, они погибаютъ, какъ бурная птица, которая тогда только живеть и дышеть, когда, подъ ревомъ бури, скользить на распашныхъ крыльяхъ своихъ по зыбучему косогору исполинской волны. Все это много послужило къ чести русскаго флага, къ порядку и повиновенію экипажа, но не могло уже спасти фрегатъ отъ крушенія. Нѣсколько матросовъ вздумали было, по обычаю своему, надѣвать встрѣчу

смерти чистыя рубахи; но голосъ старшаго лейтенанта, которому всегда и все повиновалось, не измѣнилъ ему и на этотъ разъ: всѣ возвратились снова къ работѣ. Пушки, якоря и всѣ подручныя тяжести были скинуты въ море, самъ капитанъ наложилъ руку на мачты и онѣ, въ одну минуту, подъ ударами топоровъ, полетѣли въ море. Боцманъ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, на бакѣ, и держался одною рукою за обрубокъ мачты своей, а другою за дудку, хотя уже не было подчиненныхъ его, ни фокъ-мачты, ни кливера, ни господина плехта или дагликса, какъ самъ онъ честиль подвѣдомственные ему якоря; штурманъ стоялъ еще на ютѣ, какъ будто ожидалъ приказаний, между тѣмъ, какъ осколки штурвала и румпеля лежали у него подъ ногами, руль скрыпѣлъ и разгуливаль вольно на петляхъ своихъ и совладать имъ было не чѣмъ. Наконецъ, бѣдную Россіянку прижало, выкинуло, повалило на бокъ, и она уже глухо стонала подъ заливными ударами плывучихъ водяныхъ горъ! смирно и покорно лежала она,

предавшись волѣ судьбы, замолкла, не взыграла даже болѣе о помощи.

Изъ Сухума увидѣли съ расвѣтомъ гибель фрегата и пѣхотный баталіонъ выступилъ и пошелъ по берегу, на помощь бѣдствующихъ, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ защитить ихъ отъ ножа Абазинцовъ. Русскіе шли на выручку русскихъ — горцы дрались отчаянно, каждый кустъ, каждый камень, надобно было брать штыкомъ; обагрила тутъ кровь русская бѣлое тѣло и канула на землю, на черной матери сырой землѣ сливалась съ кровью Абазинскою. Баталіонъ пробился до мѣста, сталъ на берегу противъ фрегата, разсыпалъ вокругъ цѣпь стрѣлковъ, глядѣль спокойно и ожидалъ конца. Пособить было не чѣмъ.

Тогда только капитанъ, собравъ напередъ вокругъ шпиля наскоро военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ, коимъ единодушно было опредѣлено то, что послѣ увидимъ, проревѣль глухимъ и сиплымъ голосомъ своимъ: *спасайся!* самъ же сидѣль онъ неподвижно на сѣткахъ, потому, что фрегатъ лежалъ вовсе на боку,

и къ счастью еще вплоть у берега, почти на сухомъ; каждый налетный валъ приподымалъ, подмывалъ его и, отхлынувъ, кидалъ громаду, всею тяжестю ея, на твердый песокъ и камень. Каждый изъ валовъ этихъ окачивалъ съ ногъ до головы всѣхъ; каждый ударъ сбивалъ съ ногъ весь экипажъ, отъ юнги до капитана. За словомъ: спасайся, молодые матросы стали кидаться прямо въ море и пробиваться къ берегу; старые большею частю надѣвали поспѣшно бѣлые рубахи и потомъ, перекрестившись и выждавъ отступленіе вала, пускались туда же. Старшій лейтенантъ, молча, кинулъ рупоръ за бортъ и спокойно глядѣлъ вокругъ себя, не нагибаясь даже при налетѣ громадной и отвѣсной, какъ стѣна, волны.

Уже весь экипажъ Россіянки, до послѣдняго человѣка, выбрался, болѣе или менѣе благополучно, на берегъ: первые, просто на своихъ ногахъ, а послѣдніе уже съ помощію протянутаго съ фрегата леера, веревки, а капитанъ, старшій лейтенантъ и Поцѣлуевъ, вызвавшійся охотникомъ, всѣ

вмѣстѣ спустились въ гротъ-люкъ. У лейтенанта былъ въ рукахъ артиллерійскій фитиль съ жестяной огневкой, которая уцѣлѣла еще послѣ отчаянной пальбы гибнувшей Россіянки; капитанъ, помогая двумъ товарищамъ своимъ стаскивать матроскія койки и что было подъ рукою въ одну кучу, приговаривалъ: «по крайней мѣрѣ голоднымъ волкамъ этимъ не достанется добычи.» За тѣмъ, раздули, съ большимъ трудомъ, огонь, и зажгли фрегать въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. Кончивъ дѣло, всѣ трое подумали о собственномъ спасеніи. Капитанъ спустился съ фрегата послѣдній.

Кто не испыталъ неимовѣрной силы прибоя, тотъ не знаетъ какъ трудно человѣку выбраться на берегъ тамъ, гдѣ не успѣвъ пройти пѣшкомъ, по поясъ въ водѣ, или почти по сухому, десяти шаговъ, онъ снова бываетъ настигнутъ исполинскою, съ горный хребеть, волною, залить, сбить съ ногъ и отнесенъ опять на такое же расстояніе назадъ. Капитанъ и старшій лейтенантъ добились наконецъ кое какъ до

берегу; но Смарагда, коего молодыя силы истощились, разбило подъ самымъ берегомъ о скалы и камни и матросы вынесли его уже замертво на рукахъ. Нѣсколько матросовъ сами были въ такомъ же состояніи.

Баталіонъ выступилъ снова, и снова прокладывалъ себѣ и безоружнымъ товарищамъ своимъ дорогу пулей и штыкомъ. Горцы неотвязчиво и дерзко преслѣдовали отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, почти до самыхъ воротъ крѣпости. Каждый кустъ и каждый камень былъ снова занятъ и снова надлежало выбивать отчаянного непріятеля изъ каждой ямки штыкомъ.

Часто оглядывались моряки наши на дымящіеся остатки своего фрегата! гуще и гуще растился дымъ клубомъ и наконецъ страшный, потрясающій взрывъ возвѣстиль о кончинѣ и разрушеніи его. Россіянки уже нѣть; но она умерла геройскою смертю, умерла какъ нѣкогда мать Москва наша, нашъ фениксъ, кинувшись въ ярое пламя. Со злобною местію горцы усилили натискъ,

непосредственно послѣ взрыва — но крѣпостныя ядра разсѣяли толпы дерзкихъ хищниковъ, ворота растворились и приняли гостепріимно бездомныхъ скитальцевъ.

ГЛАВА 18.

СУХОЖИЛЬНОЕ ПРИВИДѢНИЕ.

Въ Николаевѣ нашего Поцѣлуева начали уже забывать, тѣмъ болѣе, что баронъ, этотъ неотступный дядька его, и самъ въ слѣдъ за Смарагдомъ, какъ мы это вскорѣ увидимъ, уѣхалъ. Вспоминала о Смарагдѣ, какъ говорять, Надя, и то про себя, да вспоминали кой–какія маменьки, покуда не обзавелись новымъ адъютантомъ, провожатымъ и подручникомъ. Сплетни уснули. Въ Севастополь напротивъ, гдѣ Смарагдъ мелькнулъ падучею звѣздою, гдѣ его въ домахъ почти не знали и не видали, между тѣмъ какъ молва разгласила, менѣе чѣмъ въ сутки, по цѣлому городу геройскій подвигъ его, въ Севастополь онъ былъ и за

глаза въ чести и въ славѣ, и всѣ хотѣли его видѣть. Дѣвица, которую онъ спасъ, была въ то время царицей тогдашняго Севастопольского общества; все кружилось въ свѣтскомъ вихрѣ у подножія престола ея; походный жертвенникъ воздвигался передъ нею всюду, гдѣ бы она ни явилась, куда бы ни пошла — и фиміамъ на немъ не угасалъ; жрецовъ неутомимыхъ было много. По этому и не мудрено, что происшествіе надѣлало много шуму въ городѣ; а какъ никто въ своей землѣ пророкомъ не бываетъ, то Смарагду очень къ стати пришлось явиться передъ подвигомъ своимъ съ чужой стороны и отплыть опять за море. Кто онъ? откуда? каковъ онъ собой? на кого похожъ? это составляло любимую бесѣду Севастопольского общества, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль; прекрасная незнакомка наша, алѣя и краснѣя, должна была сто разъ на день давать обѣ этомъ отвѣтъ и отчетъ любопытнымъ. Впрочемъ, темная молва о похищенномъ поцѣлуѣ, разнеслась даже и до Севастополя; но это

придавало молодому мичману, въ глазахъ многочисленныхъ партизанокъ его, еще болѣе занимательности.

Между тѣмъ какъ его забывали въ Николаевѣ и припоминали въ Севастополѣ, нашего Смарагда внесли въ Сухумскія ворота на солдатскомъ плащѣ; молодой мичманъ все еще былъ безъ памяти. Много народу, по крайней мѣрѣ для Сухума, гдѣ праздной толпы почти нѣть — много людей сошлось у крѣпостныхъ воротъ, встрѣтить бѣдствующихъ. Тутъ же стоялъ и старикъ, высокій, благовидный, въ весьма потертомъ мундирномъ сюртукѣ, безъ эполетъ или погоновъ, съ лицемъ выразительнымъ и благороднымъ. Въ общности, осанка его бросалась въ глаза и располагала очень въ его пользу; въ частности, какая-то отличительная черта по обѣ стороны сомкнутыхъ губъ, по угламъ усть, придавала лицу его выраженіе умнаго, разсудительнаго, честнаго человѣка, сильнаго духомъ и покорнаго судьбѣ. Замѣчу мимоходомъ, что черта эта въ

особенности свойственна русскому лицу подобного покроя.

Когда четыре мушкетера, несшие Поцѣлуева, поровнялись съ незнакомымъ старикомъ этимъ, онъ вздохнулъ глубоко, сняль фуражку, перекрестился и спросиль ихъ: «живъ?» — живъ, некакъ, — отвѣчали мушкетеры, — только ошибъ обморокъ. — Старикъ подошелъ скорыми шагами къ стоявшему тутъ же Команданту, сняль передъ нимъ фуражку, и, не накрываясь во все время разговора, просиль позволенія принять на руки и въ домъ этого раненаго офицера. Получивъ на это позволеніе, онъ догналъ мушкетеровъ и воротилъ ихъ во второй или въ третій домишко съ краю, отъ крѣпостныхъ воротъ.

«Спаленку очистить, Груша,» сказалъ онъ вошедши женѣ своей, «я постояльца привель! Олинька,» продолжалъ онъ, обратившись къ дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати, «бѣги Олинька къ кумѣ, къ сосѣдкѣ, проси, чтобъ скорѣе велѣла отыскать кума, Ивана Дмитрича; скажи, что человѣкъ умираеть: пусть не мѣшкаютъ.»

Поцѣлуева положили на постель, раздѣли, обмыли съ него кровь; Иванъ Дмитричъ, штабъ-лекарь, явился тотчасъ на зовъ кума и сдѣлалъ все какъ умѣль, худо-ли, хорошо-ли, какъ учили его въ былое время каѳедральные заклинатели жизни и смерти. Смарагдъ пришелъ въ себя, и первое лицо, на которое въ слѣдъ за тѣмъ упали тусклые взоры его, было блѣдное, худощавое и темножелтое лицо — знакомаго намъ человѣка: барона Губерта Рудольфовича Адель-фонъ-Адельсбурга; онъ опять уже стоялъ Наполеономъ у изножья кровати, морщился, хмурился, стягивалъ губы въ жемокъ и съ участіемъ глядѣлъ на бывшаго своего односума. Смарагдъ невольно опять зажмурился и старался сообразиться и опомниться: но Николаевъ, Севастополь, Россіянка и Сухумъ —сливались для него вмѣстѣ: милая, незлобная Надя — и несносный, незваный свидѣтель; очаровательная, черноглазая Гречанка — и страшное привидѣніе утопленницы, несчастной тетки ея, которую Смарагдъ видѣлъ въ

безпамятствъ своеи; рѣзвая и могучая среди необъятнаго, зеленаго моря Россіянка — и неистовый ревъ урагана, оглушительный гулъ водяныхъ громадъ, и мѣрный, потрясающій душу стукъ киля о твердое дно морское; — наконецъ мягкая постель, которая не качается качелями, и стоять на своихъ ногахъ, общая тишина и спокойствіе, и тутъ же ненавистное лицо рыцаря въ пѣхотномъ мундирѣ — все это слилось для Смарагда въ какую-то несвязную грязу; предавшись волѣ судьбы, онъ зажмурился и спокойно ожидалъ развязки.

ГЛАВА 19.

КОМИСАРЪ 13 КЛАСА СУХОДОЛЬНЫЙ.

Лѣтъ тому семьдесятъ, и десяткомъ больше или меньше, было время знаменитое. Двѣ войны съ Польшей и

возвращеніе Россіи шести нынѣшнихъ губерній, населенныхъ не Поляками, а Русскими; двѣ войны съ Турціей, и тутъ опять расширеніе предѣловъ на югъ и взятіе Крыма; война со Швеціей, война съ Персіею; Суворовъ, Румянцевъ, Орловъ, Потемкинъ, Державинъ — новые *наказы*, *уложенія*, *учрежденія* — основаніе Академій, введеніе ассигнацій; а между тѣмъ надобно было смирять и внутрення смуты: Пугачева, Яицкихъ казаковъ, чуму — обо всемъ этомъ много рассказывалъ Иванъ Степановичъ Суходольный, который охотнѣе всего разговаривался, когда его зывали запросто старикомъ, дѣдушкой, не поминая ни родомъ, ни племенемъ, ни званіемъ.

Иванъ Степановичъ былъ на вѣку своею и Совѣстнымъ Судьею, завѣдывалъ и Приказомъ Призрѣнія, когда всѣ заведенія эти и Опекунскіе Совѣты только что учредились; былъ онъ потомъ и намѣстникомъ одной изъ понизовыхъ губерній; и наконецъ, важиваль, въ свое время, умную и громкую рѣчъ и въ Сенатъ,

когда только что раздѣлили его на департаменты; словомъ, Иванъ Степановичъ былъ на свой вѣкъ человѣкомъ. Но нашлись люди, которые не взлюбили громкую и сильную рѣчъ его и прямиковое слово: стали подыскиваться подъ Суходольного, очернили его; кровь въ немъ закипѣла ключемъ — Иванъ Степановичъ сталъ оправдываться горячо, можетъ быть гораздо жарче, нежели слѣдовало, и кончилъ тѣмъ, что даль оплеуху такому человѣку, который бить по щекамъ еще не бывалъ. Разумѣется, что тутъ не могло уже быть никакого оправданія. Суходольного услали на жительство въ Березовъ; — пусть—де его тамъ горячится, по маленьку простынетъ.

Но Иванъ Степановичъ не простыль и не остылъ, хоть и зябъ иногда, сказываютъ, въ землянкѣ своей. Никогда и ни на кого не пенялъ онъ за участъ свою; онъ говорилъ напротивъ, что ему было бы больно за правосудіе отечества своего, если бы онъ не былъ наказанъ. Но Иванъ Степановичъ и на восмидесятому году говорилъ съ тѣмъ же

жаромъ, рѣзаль такую же отчаянную правду; глаза у него все еще сверкали звѣздочками, кровь вступала въ лицѣ, когда начиналь онъ рассказывать, какъ что было, и какъ бы, по его, чѣму быть слѣдовало.

Отъ первой, скончавшейся жены, у Ивана Степановича дѣтей не было; онъ нашелъ себѣ Сибирячку, рослую, здоровую, умную, женился на 50 году и прижилъ сына. Иванъ Степановичъ жилъ съ хозяйкою своею и сыномъ трудами рукъ своихъ: бѣдно, скудно, но жилъ не кланяясь никому; отказавшись на всегда отъ головоломной работы, отъ всѣхъ затѣй, надеждъ и замысловъ, желая быть тѣмъ, чѣмъ его теперь сдѣлали, Иванъ Степановичъ взялъ топоръ въ руки, и, по примѣру знаменитаго предшественника своего въ Березовѣ, сдѣлался плотникомъ. Суходольный дѣйствительно, на старости лѣтъ, топоромъ своимъ зарабатывалъ себѣ и своимъ насущный хлѣбъ. Пусть читатель заключить изъ этого о силѣ духа и твердости воли Суходольнаго.

Рожденный, вспоенный и закаленный въ бѣдствіяхъ сынъ его, Степанъ, не многимъ чѣмъ развѣ отсталъ отъ отца. Когда же милостивое прощеніе дошло изъ отдаленой столицы до концесвѣтнаго Березова, то Суходольный лежаль уже на одрѣ смерти; но онъ сказалъ, заливаясь слезами, сыну: «Видиши ли, Степанъ, что Русскіе Цари старыхъ слугъ своихъ, и виноватыхъ, не забываютъ? Ступай, когда скорониша меня, да служи: руки, ноги у тебя здоровыя, даль Богъ и голову на плечахъ, не хуже чѣмъ у людей, а иного, Степанъ, мы съ тобою и за поясъ заткнемъ; ступай да служи, отслуживай за меня, я остался въ долгу. Большимъ человѣкомъ не быть тебѣ, есть тамъ безъ насъ, и съ именемъ, и съ чинами; да и не въ томъ сила: свой кругъ данъ вся кому; гдѣ Государь указалъ быть мѣсту, тамъ нуженъ и человѣкъ: надолбу не поставишь и въ повытчики. Мать—Государство наше разростается во всѣ концы; гдѣ были степи, тамъ стоять города — вездѣ нужны люди; а ты, Степанъ, будешь человѣкомъ, это могу сказать тебѣ

теперь, потому, что съ того свѣта уже не отзовусь. Ступай и служи; иди противъ неправды, ъшь хлѣбъ, къ которому ты, благодаря Бога, уже привыкъ, да запивай его водой, а за правду стой; но не бери примѣра съ отца, не горячись: гдѣ силь твоихъ нѣтъ, тамъ терпи да молчи.»

Недѣли черезъ двѣ, Степанъ положилъ отца въ могилу, въ мерзлую землю, которая во вѣки вѣковъ на глубинѣ не отходитъ, потому что морозъ прохватываетъ ее глубже, чѣмъ тепло солнечное. Матери Степана, вдовѣ, не хотѣлось заѣзжать въ Россію, какъ Сибириаки называютъ нашу, европейскую половину государства, и Степанъ отправился одинъ, *служа* по завѣщанію отцовскому, гдѣ случится.

Что же сдѣлалъ Степанъ нашъ и гдѣ и какую онъ сыскаль себѣ службу Государеву? Ему было уже 18 лѣть: онъ не зналъ, да и не заботился о томъ, осталось ли за нимъ родовое дворянство отцовское, или было оно утрачено ссылкою; трудовая, рабочая жизнь его — а отецъ поставилъ было уже и Степана въ хорошіе плотники —

жизнь эта была въ разладицѣ съ приказной строкой; Степану больно не хотѣлось упражняться съ утра до поздней ночи въ чистописаніи; думаль онъ было итти въ солдаты, да вспомнилъ про новые города, о которыхъ говорилъ ему отецъ, пошелъ въ услуженіе къ чиновнику, который ѿхалъ изъ Казани въ Херсонъ, и тамъ записался охотою въ матросы.

Это была жизнь по немъ; жизнь работающая, Ѳда плотная и сытная; будь проворенъ, будь расторопенъ, держи ухо на чекѣ, да и думай о томъ что дѣлаешь и смекай; держи въ головѣ и помни сорокъ сороковъ галсовъ, шкотовъ, гитовыхъ и буленей, мечись за словомъ какъ угорѣлый, да дѣлай дѣло съ толкомъ; самого черта не бойся, полѣзай въ него, коли велять, страсти не знай, да за то уже о горохѣ, кашѣ, солонинѣ и чаркѣ водки не заботься, есть всегда. Это Степану Суходольному полюбилось; черезъ годъ со днемъ сталъ онъ матросъ отличный; бывало летомъ летить по вантамъ, бѣгомъ по рею, и верхомъ на нокъ, къ штыкѣ—боуту, и

сидить и управляетъся вольно и смѣло, что казакъ на конѣ. Произвели его въ первую статью, потомъ, какъ граматнаго и бывалаго, сдѣлали рулевымъ, произвели и въ квартирмейстеры, въ боцманъ—маты, въ боцманы, а наконецъ, въ 14 класъ и перевели въ комисары. Нынѣ Степанъ Ивановичъ Суходольный все еще служилъ, въ чинѣ 13 класса, комисаромъ при Черноморскомъ флотѣ. Ему уже было лѣтъ подъ шестьдесятъ.

ГЛАВА 20.

ПОЦѢЛУЙ № 3—Й.

Когда Поцѣлуевъ отдохнуль немного, выпилъ чаю и опомнился, сталъ онъ наконецъ спрашивать, гдѣ онъ, и что съ нимъ? — и услышалъ, что онъ въ Сухумѣ, у комисара 13 класа Суходольнаго. Первая мысль за тѣмъ была: а баронъ? какъ онъ сюда попалъ, если я лежалъ не въ бреду?

Но Степанъ Ивановичъ могъ сказать только то, что капитанъ фонъ—Адельсбургъ былъ переведенъ въ здѣшній гарнизонъ не давно и прибылъ всего съ мѣсяцъ, на транспортномъ суднѣ *Грузный*, приходившемъ въ Сухумъ прямо изъ Николаева, съ разными снарядами и припасами. Мы знаемъ больше, и не утаимъ дѣла: Послѣ командировки почтеннаго рыцаря въ Николаевъ, на него взвели еще новую пеню: открылось, что у него былъ въ Могилевѣ опять какой—то поединокъ, по поводу мнимой или дѣйствительной обиды, нанесенной какимъ—то прапорщикомъ одной изъ Могилевскихъ дѣвицъ. За эту новую неугомонность свою, баронъ былъ переведенъ вскорѣ по отъѣздѣ Смарагда изъ Николаева, въ Сухумъ, куда и поспѣль прежде его. Узнавъ въ принесенномъ на плащѣ мичманѣ бывшаго камрата своего, благородный баронъ поспѣшилъ за нимъ, помогалъ его раздѣвать и укладывать, и предлагалъ хозяину, Суходольному, всѣ возможныя услуги и помошь свою. Онъ въ эту минуту воображалъ, что соединяетъ въ

себѣ, въ одномъ лицѣ, рыцаря и сестру милосердія.

Поцѣлуеву не только довелось перелѣтывать въ Сухумѣ, но онъ жилъ тамъ до слѣдующей весны. Вѣсть о гибели фрегата дошла въ Севастополь не скоро, такъ какъ сухимъ путемъ сообщенія съ Сухумомъ нѣть; а позднею осенью посыпать суда къ Абхазскому берегу опасно; потому, что рейдъ, стоянка, вовсе открытый, и защиты отъ вѣтровъ нѣть. Такимъ образомъ одинъ только капитанъ, съ нѣсколькими офицерами, перевезены были въ Севастополь на люгерѣ или тендерѣ, зашедшемъ въ Сухумъ съ бумагами, а остальная часть экипажа и въ томъ числѣ Поцѣлуевъ, остались тамъ зимовать.

Команда и офицеры исправляли въ крѣпости гарнизонную службу. Въ этомъ отношеніи десять или одиннадцать мѣсяцевъ протекли довольно однообразно, за исключеніемъ вылазки или поиска въ горы, гдѣ задавали небольшой урокъ дерзкимъ сосѣдямъ, угонявшимъ скотъ

изъ—подъ самой крѣпости. Такая наука всегда помогала на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ надобно было опять напомнить прошлое. Поцѣлуевъ при семъ случаѣ узналъ нѣсколько этотъ родъ войны и самихъ горцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣло не кончилось выжегомъ нѣсколькихъ ауловъ: сильныя толпы стеклись для нападенія на небольшой отрядъ, завязывалась нѣсколько разъ рукопашная драка и Смарагду удалось влѣзть съ матросами своими въ заваль, отъ котораго отчаянныя горцы съ ножами въ рукахъ, съ неистовыимъ крикомъ, уже дважды сряду отбили отчаяннаго барона. Какъ баронъ, такъ и Поцѣлуевъ, оба были ранены при этомъ; баронъ тяжело, пулею въ грудь, а Смарагдъ легко, но славно: обоюдоострымъ кинжаломъ въ плечо на вылетъ. И когда нѣсколько мѣсяцовъ спустя, напечатано было въ Инвалидѣ: «За отличіе въ сраженіи противъ горцевъ, мичманъ Поцѣлуевъ, орденомъ св. Анны 4 степени,» то Смарагдъ, привинчивая крестикъ свой къ саблѣ, поцѣловалъ его безъ всякаго ханжества. Поэтъ нашъ

чувствовалъ, что заслужилъ кровью своею эту наградуи потому она была ему дорога.

Но все это въ рассказѣ нашемъ не главное; главное и существенное для насъ то, что Смарагдъ спознался коротко съ почтеннымъ, въ полномъ смыслѣ слова, хозяиномъ своимъ, у котораго жилъ во все время, и долженъ былъ его глубоко уважать. Безкорыстная и беззаботная къ себѣ самому душа, онъ только и дышалъ службою, былъ вѣренъ какъ замокъ, честень какъ добрая suma, изъ которой, что положишь, то и вынешь; праводушенъ, какъ олицетворенная истина. Комендантъ самъ сказалъ однажды, въ разговорѣ съ Поцѣлуевымъ: «Хотя Суходольный и не нашего, т. е. не армейскаго, вѣдомства, но у меня здѣсь нѣть человѣка, на котораго я бы могъ положиться, какъ на него; я не могу и самъ себѣ приказывать такъ какъ ему, и поручаю Суходольному многое, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по званію его.»

Главное также, что Смарагдъ не менѣе того уважаль и хозяйку свою, урожденную Лезгинку или Кахетинку, взятую

двуухлѣтнимъ ребенкомъ на одномъ изъ дальнихъ поисковъ соединенныхъ отрядовъ внутри земель и съ приморья. Только лице и станъ напоминали въ ней горскую кровь; сама она обрусьла совершенно, выросла въ домъ у зажиточнаго отца семейства и получила очень порядочное образованіе. Природа одарила ее умомъ и сердцемъ, воспитаніе дало тому и другому хорошее направленіе; таковъ человѣкъ: между Ньютономъ и дикаремъ людоѣдомъ, который считаетъ только до семи, вся разница, все различіе въ одномъ воспитаніи; обмѣните ихъ въ колыбели и одинъ легко могъ бы сдѣлаться другимъ.

Главное еще, что ребенокъ Ольга необыкновенно привязалась къ Смарагду, а онъ не менѣе того къ ней. Она была ученицей его, и время, годъ этотъ, не пропалъ, ни для него, ни для нея. Начиная съ гитары своей и почти до теоріи и практики кораблевожденія Гамалѣи, Смарагдъ передалъ Ольгѣ все, что зналъ самъ. У коменданта нашелся очень порядочный подборъ книгъ; почти все было

перечитано въ теченіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ, которые хотя въ Сухумѣ гораздо короче нашихъ петербургскихъ, но все еще довольно длинны, если сидѣть въ заперти въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Смарагдъ не ходилъ почти никуда; ему дома было такъ хорошо, такъ укромно, пріютно, весело, что онъ не хотѣлъ болѣе ничего, какъ сидѣть съ Олинькою, да иногда еще побесѣдоватъ съ матерью ея и старикомъ Суходольнымъ. Старикъ и жена его, Анна Ивановна, полюбили Смарагда какъ сына; и если не было на свѣтѣ мичмана, который бы смотрѣлъ съ такимъ внутреннимъ благоговѣніемъ на комисара 13 класа, то вѣрно не было на свѣтѣ и другаго комисара 13 класа Суходольнаго.

Баронъ, правда, опять было пытался нѣсколько разъ отклонить Смарагда отъ неприличной связи съ семействомъ комисара 13 класа. «13-го класа!» восклицалъ баронъ, и волосъ на немъ подымался дыбомъ; «13-го класа!. я самъ спрашиваю, что это такое?» Но Смарагдъ уже болѣе барону не поддавался, былъ съ

нимъ холодень, малословенъ и дѣлалъ что хотѣлъ. Баронъ наконецъ понялъ это, горько самъ себѣ плакался на неблагодарность людскую и оставилъ Смарагда въ покоѣ.

Когда, на слѣдующую весну, Смарагдъ спускался вечеркомъ съ небольшою командою дровосѣковъ, вооруженныхъ ружьями и полнымъ числомъ боевыхъ патроновъ, съ приморскихъ горъ, и вдругъ услышалъ радостные клики матросовъ: «Гляди–ка, пришелъ фрегать! и то пришелъ! это за нами не бось! да это никакъ Лександра — то есть Александра» — когда Смарагдъ услышалъ это и глянувъ увидѣль передъ собою необъятное, безконечное море и флагъ съ Андреевскимъ крестомъ по бѣлому полю на Сухумскомъ рейдѣ — то призадумался; хотя, по совѣсти, самъ не зналъ о чёмъ. Нѣть сомнѣнія, что ему хотѣлось вытти наконецъ изъ Сухума, гдѣ ему вѣкъ вѣковать не приходилось; но ему что–то взгрустнулось.

Сколько неисправимый, до времени, поэтъ нашъ призадумался тутъ самъ надъ

собою, надъ тѣмъ, что было съ нимъ, и что будетъ; и сколько была тутъ виновата Олинька, которой, впрочемъ, всего только на дняхъ минуло вѣрнымъ счетомъ, столько же лѣтъ, сколько на отцѣ ея было класнаго чину — этотъ вопросъ я рѣшить не возьмусь. Привязанность была дѣтская, братская, но запала Смарагду въ душу глубоко; прощаясь съ Олинькою, онъ поцѣловалъ ее, въ присутствіи родителей и отдалъ ей на память — завѣтный перстенекъ спасенной имъ Маріи.

ГЛАВА 21.

ОПЯТЬ ТОСКА.

Въ этой главѣ и въ слѣдующей мы захватимъ, для ровнаго счету и сравнительного соображенія, по три года жизни Смарагда, потому что пишемъ не дневникъ его, а только перечень извѣстнаго участка его жизни.

Когда Смарагдъ нашъ воротился въ Николаевъ, то онъ былъ, правда, еще нѣсколько времени въ этомъ вдохновенномъ состояніи, искалъ еще на пути своеемъ вправо и влѣво розъ и незабудокъ, лилій и фіалокъ — но даже и эти невинные цвѣточки напоминали ему докучливый щить и гербъ несноснаго барона и юношескаго пыла хватило не на долго; Смарагдъ иногда не доискивался цвѣтнаго стеклышка своего, а иногда оно было мутно и тускло и плохо ему служило.

Смарагдъ вошелъ на 22 году въ тѣ лѣта, въ которыя вступаютъ иные раньше, иные позже, но которыхъ человѣку съ душой ни обойти, ни объѣхать: это неминуемое послѣдствіе нашего образованія и воспитанія, ставящее насъ ножемъ къ ножу и зѣвъ въ зѣвъ, со свѣтомъ, гдѣ доводится жить. Мечта, которая поддерживается и развивается въ насъ воспитаніемъ, и сущность, которую находять въ свѣтѣ, вместо мечты своей, это собака съ кошкой; имъ ужиться нельзя, тѣмъ болѣе, что они щенкомъ и котенкомъ не свыклись, а

сходятся въ первый разъ, собака, когда уже перегодовала, а кошка, старымъ и тертымъ котомъ. И кошка береть верхъ: не силою своею, а когтями, которые всегда держить про запасъ въ пушистыхъ своихъ рукавичкахъ.

Смарагдъ не ходилъ уже, какъ бывало прежде, безъ разбору во всѣ дома, гдѣ только крылечко усыпано песочкомъ и хозяинъ или хозяйка говорять вся кому: милости просимъ; Смарагдъ не обнималъ уже болѣе встрѣчнаго и поперечнаго со слезою блаженства на глазахъ, а цѣловался съ людьми только въ пасху, и то потому, что это такъ заведено; Смарагдъ давно уже пересталъ искать вдохновительного поцѣлуя, давно уже не высыпалъ всей сокровищницы сердца своего передъ всяkimъ, кто подаетъ ему, улыбаясь, руку; Смарагдъ видѣлъ уже въ начальникѣ своемъ только начальника, въ смыслѣ служебномъ — и прочее. Кромѣ того, жизнь его по неволѣ походила на жизнь азіятца, то есть была тупа, бездѣйственна и тунеядна. Но то, съ чѣмъ или при чемъ

благоденствуетъ Турукъ, убиваетъ европейца, коего душа требуетъ дѣятельности. Самые даже Итальянцы бѣгаютъ отъ нечего дѣлать по улицамъ и кричать другъ другу во все горло: *fa fredo*, *Signore*, или *fa caldo*. Смарагдъ жаждалъ познаній, душа его требовала постоянныхъ, урочныхъ и полезныхъ занятій — а между тѣмъ онъ носилъ ее съ собою въ караулъ, на знаменитую гауптвахту въ Молдаванскомъ домѣ, иногда на перекличку въ казармы у вольнаго доку, носиль какъ гостью, какъ чужую, и самъ видѣлъ, что этой пищи для нея было не достаточно. Вотъ почему поэтъ нашъ годъ не съ большимъ пробился, а тамъ начала его одолѣвать тоска, сердце стало изнывать, не зная по комъ и по чемъ, душа надсѣдалась, умствуя, утѣшая и болѣя сама; и бѣдный Смарагдъ не зналъ куда самому отъ себя дѣваться.

Въ это время на него находили полосами, шквалами, минуты отчаянья, кои, послѣ безсонницы, оканчивались общимъ изнеможенiemъ и отраднымъ сномъ;

находили полосами дни и недѣли, въ которыя онъ мечталъ быть, то опять таки поэтомъ, то математикомъ, то живописцемъ, то хотѣль сдѣлаться, по призванію, филологомъ и начинать учиться по гречески и по латыни; а наконецъ, совершенно отчаявшись во всякой способности своей, во всякомъ успѣхѣ, вспомнилъ Степана Ивановича Суходольнаго и расказъ про отца его, пошелъ въ науку къ столяру, съ тѣмъ, чтобы дослужить казенные годы, выйти въ отставку, бросить все и сдѣлаться столяромъ. Послѣднее вамъ покажется нелѣпо; вы скажете: надобно съ ума сойти, чтобы такая мысль зашла въ голову; а я и вамъ и всякому другому, кто только увидитъ себя въ такомъ состояніи, какъ былъ тогда Смарагдъ, отъ души посовѣтую послѣдовать его примѣру. Утомленіе тѣлесныхъ силъ, всего скорѣе и лучше выручить васъ изъ этого гибельнаго состоянія, съ которымъ вамъ придется бороться долго, если захотите пересилить его однимъ только разсудкомъ. А что вы

будете знать столярную работу, такъ это вамъ уже конечно нигдѣ и ни въ чемъ помѣхою не будетъ.

Смарагда, при нынѣшнемъ положеніи его, сильно подмывало на какое нибудь путешествіе, куда бы то ни было, только бы подальше и на долго; но у него не было ни средствъ, ни возможности исполнить мечты свои и онъ по неволѣ довольствовался тѣмъ, что сходилъ въ одно лѣто на канонирской лодкѣ въ Измаиль и Килію; а въ другое,остояль на Очаковской брандвахтѣ и стрѣляль съ отчаянья куликовъ и утокъ на Кинбурнской косѣ. Зиму проводилъ онъ, какъ описалъ я выше.

Между тѣмъ, случилось вотъ что: Поцѣлуевъ быль на званомъ вечерѣ у капитана надъ портомъ, гдѣ хозяйка, отъ нечего дѣлать, спросила у только что возвратившагося отъ Абхазскихъ береговъ лейтенанта, что подѣлываетъ въ Сухумѣ этотъ вытяжной чудакъ, баронъ, котораго мудреное прозваніе она никогда не могла упомнить. «Знаю,» отвѣчалъ лейтенантъ, «Адель-фонъ-Адельсбургъ; онъ бѣдняжка

совсѣмъ состарѣлся, сморщился пуще прежняго, страдаетъ отъ тяжелой раны, съ которою нянчится уже года съ два и съ горя вздумалъ нынѣ жениться — и на комъ бы вы думали, сударыня? этотъ пышный, великолѣпный баронъ, женится на дочери комисара 13 класа!»

Слушатели заохали и заахали со всѣхъ сторонъ. Смарагдъ вспыхнулъ, потомъ обомлѣлъ, но собрался съ духомъ и спросилъ тутъ же: «а кто таковъ этотъ комисарь и какъ его зовутъ, вы не знаете?» — Суходольный, — отвѣчалъ лейтенантъ. — Это человѣкъ замѣчательный; вы вѣрно слышали объ немъ, когда зимовали въ Сухумѣ; мудрецъ въ своеемъ родѣ, если хотите, и не только на словахъ, а на дѣлѣ; но человѣкъ немножко беспокойный, и потому его держать отъ себя подальше. Отецъ его былъ извѣстный вельможа Екатерининскихъ временъ, столбовой дворянинъ, и былъ, кажется, сосланъ. Нашъ баронъ, доискавшись этого родоваго дворянства Суходольнаго, ухватился за него, какъ стаксель за свой

лееръ: по немъ подымается, по немъ и спускается; хотеть, видно, дожить остальной вѣкъ свой рука обѣ руку съ милой подругой; а невѣста, въ самомъ дѣлѣ, очень хороша, хотя еще почти ребенокъ; мать ея Лезгинка и у дочери горскій складъ и станъ. Баронъ, кромѣ того, за одинъ разъ, хотеть спасти честь погибавшаго дворянскаго поколѣнія и принять, если дозволять, прозваніе: Адель—фонъ—Адельсбургъ—Суходольный. —

Смарагдъ, самъ не зная отъ чего и за чѣмъ, такъ быль встревоженъ этою вѣстью, что провель ночь въ безсонницѣ. Онъ не зналъ куда дѣвать голову и сердце свое, на него нашель какой—то тупикъ, столбнякъ, дурь, хандра, когда услышалъ онъ случайно, что капитанъ—лейтенантъ Балтійскаго флота Кожинцовъ назначенъ командиромъ шлюпа Благодатнаго и отправляется на немъ, весною, вокругъ свѣта. Кожинцовъ служилъ прежде въ морскомъ корпусѣ и быль учителемъ Поцѣлуева, преподавая въ то время *высшую теорію и морскія эволюціи*.

Смарагдъ рѣшился писать къ нему съ первою почтою, напомнить о себѣ скромненько и просить убѣдительно службы и мѣста на Благодатномъ.

Не прошло шести недѣль, какъ Смарагдъ получилъ лестное письмо отъ доброго, благороднаго Кожинцова и въ слѣдъ за тѣмъ состоялся приказъ по Черноморскому флоту, о переводѣ Поцѣлуева въ Кронштадтъ, съ назначеніемъ на отправляющійся въ *дальній вояжъ* шлюпъ Благодатный.

ГЛАВА 22.

ОГЛЯНУЛСЯ.

Вотъ вамъ и три года; а другіе три протекли съ такою же неуловимою быстротою, покуда Смарагдъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, покуда шлюпъ *собрался*, вооружился, отплылъ, обошелъ много земель и морей, материковъ и острововъ, и снова воротился.

Счастливъ быль Смарагдъ, когда страстныя желанія его сбылись, когда онъ поскакалъ безъ оглядки изъ пыльного или грязного Николаева — когда ходиль гордо въ военную гавань въ Кронштатѣ, на *вооруженіе* своего шлюпа, когда наконецъ шлюпъ вытянулся на рейдъ, угостиль на себѣ знать кронштатскую и тутъ же снялся съ якоря; взмахнулъ крылами, отдалъ Кроншлоту громогласно честь — и полетѣлъ на долгое, долгое плаваніе, по чужимъ морямъ, по чужимъ землямъ. Счастливъ быль, говорю, Смарагдъ, когда перевель духъ на свободѣ: покинувъ за собою всю суetu суеть, забыль на время и сокрушавшее его горе; но счастливъ только въ мечтахъ, заглушивши такъ сказать временно вопіющій голосъ пробудившейся души своей; но когда Смарагдъ воротился, когда, на третіе лѣто послѣ отплытія своего, Благодатный самъ себя поздравилъ, огибая опять Кроншлотъ, съ благополучнымъ прибытіемъ на родину, тогда уже нашъ Смарагдъ быль не тотъ; онъ быль счастливъ въ душѣ, по опыту, по

убѣжденію. Да, Смарагдъ вступиль на Благодатный молодымъ, по опыту въ жизни, мичманомъ, а сошелъ съ него старымъ, опытнымъ, бывалымъ лейтенантомъ, который пріобрѣль себѣ уже имя, славу отличнаго моряка, пріобрѣль вѣсь и значеніе между товарищами, общее уваженіе между младшими, старшими и равными, какъ человѣкъ умный, свѣдущій, добрый и вполнѣ благоразумный. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, Смарагдъ спознался самъ съ собою и съ людьми, примирился опять со свѣтомъ, нашелъ точку, гдѣ держался въ равновѣсіи со внѣшнимъ міромъ и стояль твердо, увѣренно, самобытно. Въ это же время Смарагдъ вовсе пересталь писать стихи, но принялъся, съ особеною охотою, за прозу; онъ увидѣль, что въ немъ не было настоящаго призванія къ поэзіи, что все это была одна только вспышка молодости, и онъ взялся за прозу. Прозою писать хорошо, ясно и четко долженъ умѣть всякой образованнай человѣкъ; за стихи не берись никто, кромѣ урожденнаго поэта.

Смарагдъ испыталъ и пріобрѣль на перепутыи этомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, друга, коимъ онъ, по всей справедливости, гордился; въ которомъ онъ души не чаялъ, любилъ и уважалъ самого себя только въ немъ. Это былъ именно Академикъ Темниковъ, отправившійся на Благодатномъ для ученыхъ изслѣдованій. Въ молодомъ человѣкѣ этомъ обширныя свѣденія по всѣмъ почти частямъ и отраслямъ наукъ, слиты были, если посмѣю такъ выразиться, съ умнымъ сердцемъ и чувствительнымъ умомъ; то есть, въ самомъ умѣ его было что–то нравственное, было чувство, а не однотолько холодная, отвлеченная ученость; а въ чувствахъ, въ игрѣ страстей, что–то думное, разсудительное. Они сошлись со Смарагдомъ по взаимному влечению, и когда обнялись въ первый разъ и подали одинъ другому руку на братство, то оба прослезились; оба, съ какимъ–то страннымъ смѣшеніемъ униженія и чувства собственного достоинства, молча, пожали другъ другу руку и не умѣли высказать, что было на душѣ.

Смарагдъ не только въ эти три года пріобрѣлъ отъ друга своего хорошія и основательныя свѣденія по многимъ отраслямъ учености, но, что еще важнѣе, онъ научился быть человѣкомъ, научился уважать себя самого; а безъ этого, хоть и выйдешь въ люди, да человѣкомъ быть нельзя. Смарагдъ видѣлъ свѣтъ, въ буквальномъ смыслѣ, потому что обошелъ его изъ конца въ конецъ, кругомъ; опытность, пріобрѣтаемая только путешествіями и дружба Темникова, поселили въ Поцѣлуевѣ какую-то людскость, обходительность, ладъ и мѣру въ житейскомъ быту, которую нельзя передать на словахъ, и которую даже не всякъ способенъ перенять на дѣлѣ.

Поцѣлуевъ часто рассказывалъ Темникову объ этомъ дивномъ явленіи, комисарѣ 13 класа Суходольномъ, о связяхъ своихъ съ нимъ, о заботливости хозяевъ своихъ, въ то время, какъ онъ, Поцѣлуевъ, лежалъ у нихъ больной; прибавилъ еще, что когда онъ нанялъ у нихъ комнатку, со столомъ и отопкой, то

старикъ Суходольный, при всей бѣдности своей, ни подъ какимъ видомъ не согласился зачесть срокъ найма со дня прибытія Поцѣлуева въ домъ его: «бойтесь Бога, говорилъ старикъ обиженнымъ голосомъ, бойтесь Бога Смарагдъ Петровичъ; первое время вы у насъ были гостемъ, это къ счету не идетъ; вы извольте считать съ 1 августа, когда порядились, а что было до этого, то считать намъ будетъ обидно.» Говорилъ Смарагдъ и про Олиньку, и смѣялся страстной привязанности своей къ тринадцатилѣтнему ребенку; но при всемъ томъ не могъ нахвалиться ею и говорилъ откровенно, что дорого бы далъ, если бы могъ налюбоваться ею — не замужемъ за барономъ, а взрослой, расцвѣтшой, девятнадцатилѣтней дѣвицей.

«За чѣмъ же ты хочешь забыть такихъ добрыхъ людей» сказалъ Поцѣлуеву однажды Темниковъ — «напиши или прямо къ Суходольному, или, если думаешь, что письмо его уже не застанеть, можетъ быть, въ Сухумѣ, то напиши къ кому нибудь и

освѣдомъся объ этомъ семействѣ; тебѣ отрадно будетъ услышать, гдѣ и что оно теперь.»

Смарагдъ подумалъ — къ кому писать? товарищи вѣтрогоны, или станутъ смѣяться дружбѣ Поцѣлуева съ комисаромъ 13 класса, или по крайней мѣрѣ не возьмутъ на себя труда узнать и написать обо всемъ обстоятельно. Дай напишу къ Пименцову; онъ меня чай не забылъ и сослужить мнѣ эту службу.

Пименцовъ былъ тотъ самый Крымскій помѣщикъ, которому Поцѣлуевъ, на обратномъ пути изъ Инкермана, спасъ дочь и утопилъ троюродную по женѣ сестру. Съ первою обратною почтой Смарагдъ получилъ отвѣтъ, который отпечатаемъ здѣсь отъ слова до слова; тутъ выкидывать нечего.

ГЛАВА 23.

ПИСЬМО ПИМЕНЦОВА СЪ
ПРИПИСКАМИ.

—

«Получивъ письмо ваше, безконечно уважаемый благодѣтель мой, Смарагдъ Петровичъ, я отъ радости созвалъ весь домъ свой и прочиталъ имъ всѣмъ вслухъ все, что вы пишете, отъ начала до конца; скажу вамъ напередъ, что его слушала тутъ и Олинька, Ольга Степановна, потому что и она принадлежитъ теперь къ моему семейству. Желаю, чтобы я всегда могъ съ такою точностію исполнять, къ сожалѣнію слишкомъ скромныя, ваши до меня требованія: я могу вамъ безъ труда отдать подробнѣйшій отчетъ обо всемъ, о чёмъ вы у меня изволите освѣдомляться. Позвольте поблагодарить васъ отъ всей души, что вы насъ не забыли, и за тѣмъ приступить къ рассказу.

«Слишкомъ два года тому, какъ тогдашній женихъ дочери моей, которая

теперь замужемъ и сама кормить сыночка, названаго по васъ, Смарагдомъ — два года тому, какъ женихъ моей Маши купилъ случайно гдѣ-то перстенекъ и принесъ его ей въ подарокъ: перстенекъ не мудрый, да въ немъ было пять камешковъ подрядъ: малахитъ, алмазъ, роговикъ, изумрудъ и яхонтъ — и начальныя буквы названій этихъ составляютъ имя дочери моей, *Марія*. Вотъ почему зять принесъ ей это колечко. Она, какъ глянула, узнала тотъ самый перстенекъ, который, снявъ съ руки своей, отдала вамъ, своему спасителю. Я въ происшествіи этомъ не видалъ ничего чрезвычайного; но дочь — вѣроятно по свойственному полу ея во всѣхъ мелочахъ любопытству, хотя она и хвалится теперь, что сдѣлала это по предчувствію — дочь просила жениха своего неотступно, узнать, откуда и какимъ путемъ перстенекъ достался продавцу и дослѣдиться, кто получилъ его отъ васъ. Открылось, что вы подарили его дочери человѣка, который вамъ сдѣлалъ добро; и лице доброй Маріи моей прояснилось умиленіемъ и радостію,

когда она узнала, какое вы сдѣлали употребленіе изъ бездѣльного подарка ея: она думала видѣть въ этомъ доказательство, что вы цѣнили и уважали этотъ знакъ безпредѣльной ея признательности. Но при этомъ открылось еще другое обстоятельство: стариkъ Суходольный, который былъ, какъ видно по всему, дивный человѣкъ, погибъ въ Сухумѣ на пожарѣ госпиталя, вынесши на плечахъ своихъ уже семь человѣкъ и кинувшись въ пламя за осьмымъ. Потолокъ обрушился и вѣрный слуга Государя своего, доблестный гражданинъ въ быту частномъ, нашелъ достойную себѣ смерть. И такъ обѣ немъ печалиться нечего; всѣ тамъ будемъ, кто раньше, кто позже; дай Богъ вся кому пройти туда черезъ такое чистилище какъ Суходольный: быть не можетъ, чтобы за это не было достойнаго возмездія! Но семейство его, жена и дочь, остались безъ насущнаго хлѣба. У Суходольного было на рукахъ много; кинулись по смерти его описывать да опечатовать домишко его, столы да стулья, боялись какой нибудь

утраты; но у Суходольнаго нашлись всѣ дѣла въ такомъ порядкѣ, что не могли этому надивиться. Суммы, большія и малыя, всѣ на лицо, съ ярлыками; казенные вещи, до послѣдняго, хозяйственno сбереженнаго, лоскутка сукна, также; шнуровыя книги, со строгою и ясною отчетливостію, ведены, не на черновыхъ лоскуткахъ, а прямо на бѣло, по самый часъ смерти: послѣдняя статья внесена была поздно вечеромъ, когда уже ударили въ набатъ и закричали пожаръ. Анна Ивановна, жена его, говоритъ: кинувъ перо въ торопяхъ, Степанъ Ивановичъ закапаль книгу чернилами и потому оставилъ ее на столѣ раскрытою; капля эта еще не засохла, когда пришли и сказали Аннѣ Ивановнѣ, что мужъ ея погибъ.

«И такъ вдова и сирота остались безъ куска хлѣба; за казну Суходольный позаботился на своеемъ вѣку, а за себя нѣть. Онъ говоривалъ бывало: «Не пропадете, матушка Анна Ивановна; на сего дня будетъ, а что день, то и сего дня. Найдется человѣкъ, что вспомнить меня, и

хоть не ради меня, а ради себя, позаботится и о васъ.» И доблестный стариkъ не обманулся, нашелся такой человѣкъ, и человѣкъ этотъ вы, Смарагдъ Петровичъ. Доискавшись по перстеньку семейства Суходольнаго, которое переѣхало, продавъ домишко въ Сухумѣ, сюда, въ Севастополь, мы вашимъ именемъ сдѣлали что могли. Вы не хотѣли принять отъ насъ ничего; пусть же люди, которые вамъ сдѣлали добро, приняли васъ въ домъ полумертвымъ, молять Бога за васъ, какъ и мы за васъ же; и если вы скажете намъ за это спасибо, то мы готовы заплакать отъ радости, что сдѣлали угодное вамъ. Похвалюсь передъ вами, я ничего не пожалѣль для Суходольныхъ: почтенная Анна Ивановна не захотѣла быть праздною и нашла себѣ, для меня очень полезное, занятіе, по шелководному хозяйству моему; а моя милая, неоцѣненная Олинька, замѣнила намъ убылую дочь, Машу. О, Смарагдъ Петровичъ, это дитя неоцѣненное: въ два года, что она у насъ въ домѣ, она воздала намъ сторицю за всѣ заботы и попеченія

наши; радости было намъ отъ нея много, очень много, а печали не бывало.

«Изъ всего этого вы видите, что Олинька не выходила замужъ ни за кого, а и того менѣе за барона фонъ Адельсбурга, какъ вы, судя по письму вашему, полагаете. Баронъ дѣйствительно сватался на ней очень настойчиво, и возобновилъ даже сватовство свое, когда былъ сдѣланъ, вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ, плацъ—маюромъ въ Сухумѣ; Суходольный сказалъ ему съ самаго начала, что я—де не прочь отъ этого, если Олинька согласна; и вотъ откуда взялась вѣроятно дошедшая до васъ молва. Но Олинька рѣшительно не хотѣла его знать, равно какъ и многихъ другихъ жениховъ, которые сватались на ней уже здѣсь: въ томъ числѣ отказалась она также на отрѣзъ человѣку, котораго я бы желалъ называть зятемъ — я Олиньку, какъ видите, считаю дочерью своею — человѣку добруму и хорошему, не говоря уже о почетномъ званіи его и достаткѣ. Но я не только неволить ее, и уговаривать не стану: какъ знаетъ и хочетъ; мнѣ и безъ того тяжело

будеть съ нею растаться, пусть еще поживемъ вмѣстѣ! А отъ чего она всѣмъ такъ положительно отказываетъ — этого я вамъ не скажу; есть вещи, Смарагдъ Петровичъ, которыя вслухъ не говорятся, а и того менѣе пишутся на бумагѣ; грамотныхъ много, а сердце дѣвушки государственная тайна; это священно. Скажу вамъ однако же, что перстенекъ вашъ, послѣ всѣхъ приключеній своихъ, возвратился нынѣ въ туже сокровищницу, или въ собственность того же сокровища, которое судьба дала вамъ отыскать, въ одинокомъ, отгороженномъ отъ цѣлаго свѣта уголку азіятского материка. Перстень былъ проданъ въ крайней нуждѣ, для доставленія больной матери пособія и пищи. Не хочу сокрушать сердца вашего описаніемъ этой картины: все это давно прошло и миновалось. Теперь мы счастливы и довольны. Если же кому нибудь изъ нась, изъ нынѣшней семьи моей, и приходить можетъ статься, въ сердце, или въ голову, какъ говорять обыкновенно, что счастье это могло бы сдѣлаться еще полнѣе и

совершеннѣе, то на это невольно отвѣчаешь себѣ пошлымъ и обмолоченнымъ, но не менѣе того истиннымъ изрѣченіемъ: на землѣ нѣтъ счастья и нѣтъ совершенства!

«Жена моя много кланяется вамъ и просить извинить; она, по русски, безграмотна; прочие же члены семейства моего припишутъ къ вамъ нѣсколько строкъ сами.

Н. Пименцовъ.»

«Если вы не позабыли еще той дѣвицы, которую, почти семь лѣтъ тому, 5 мая, спасли отъ ненавистной ей смерти — потому что я хотѣла пожить еще и тогда, хочу и теперь — то позвольте счастливой супругѣ и матери увѣрить васъ, что она, въ продолженіе этихъ семи лѣтъ, ни разу не позабывала включить васъ въ вечернюю молитву свою.

Марья Ногашева.»

«Пріѣзжай къ намъ, дядинька, у насъ хорошо и я скажу тебѣ спасибо, за то, что

ты даль мнѣ маменьку мою. Я самъ писать не умѣю; мнѣ водила маменька руку.

Смарагдъ Ногашевъ.»

«И такъ мы наконецъ доискались васъ, Смарагдъ Петровичъ — или правда, мы сидѣли на одномъ мѣстѣ, а вы сами случайно подали о себѣ вѣсточку. Я вспомнила при этомъ басенку, которую вы когда-то мнѣ читали, какъ двое пошли искать счастья, третій сидѣлъ дома, сложа руки, а оно къ нему само и навѣдалось! Помните ли вы еще это время, когда мы читали басенку эту? Да-нѣть; вамъ теперь не до того, вы обошли весь свѣтъ, вамъ не до темныхъ, никому неизвѣстныхъ обитателей бѣдной Сухумской лачужки! Но за что же я такъ на васъ злословлю: вы вспомнили о насъ, написали къ намъ, спрашивали обо всѣхъ, и обо мнѣ! Благодарю васъ за это; я смѣло могу вамъ писать сама, вы мой учитель и наставникъ. О, прошлое время, какъ оно было хорошо! но я тогда была еще мала и глупа. Нынѣшніе благодѣтели наши благодарности

отъ насъ не принимаютъ, отсылаютъ къ вамъ: а вы, къ кому вы насъ отошлете?

Ольга Суходольная.»

ГЛАВА 24.

ОЛЬГА.

Когда Смарагдъ получилъ въ Кронштадѣ письмо это, тогда онъ, сложивъ руки и поднявъ очи къ небу, въ первой разъ отъ роду сказалъ самъ себѣ: «ты баловень судьбы, Смарагдъ Петровичъ, и другаго такого баловня у нея не было и не будетъ!»

Онъ побывалъ тотчасъ же въ Петербургѣ, отправившись туда на сенатскомъ катерѣ, потому, что пароходовъ о ту пору еще у насъ не было; побывалъ только для того, чтобы пасть стрѣлой въ рабочую комнату Темникова, обнять его, подушить въ сильныхъ рукахъ своихъ,

помучить съ полчаса, заставляя отгадывать содержаніе полученнаго отъ Пименцова отвѣта и потомъ молча отдать другу своему письмо; сѣсть на диванъ и смотрѣть чтецу прямо въ глаза, разгадывая, что дѣлается у него на душѣ и на сердцѣ.

Потомъ Поцѣлуевъ воротился въ Кронштадтъ, съ трудомъ выждалъ отпуска, сѣль и поскакалъ безъ оглядки въ Севастополь. Здѣсь ждали и не ждали отвѣта на письмо, а тутъ — глядь — растворилась дверь и входить онъ самъ!

Семейство Пименцова было въ сборѣ, за вечернимъ самоваромъ. Расписывай себѣ всякъ свиданіе это, кто какъ умѣеть: Ольгѣ, въ первый разъ отъ роду, сдѣлалось дурно. Въ припiskѣ своей къ Поцѣлуеву была она, какъ мы видѣли, смѣла и шаловлива, воображая его вѣроятно все еще тѣмъ же молоденькимъ мичманомъ, товарищемъ дѣтства ея; но когда складный и стройный мужчина съ густыми бакенбардами вошелъ, какъ съ неба свалившись, въ комнату и всѣ кинулись обнимать его и честить Смарагдомъ

Петровичемъ — тогда Ольга подъ собою земли не взвидѣла, души не послышала и языка не доискалась.

«Нѣть,» сказалъ Пименцовъ, когда, не болѣе трехъ дней послѣ пріѣзда Поцѣлуева, шла уже рѣчь о приданомъ Ольги, «нѣть, Смарагдъ Петровичъ, ужь въ это дѣло вы не мѣшайтесь; это до васъ не касается. Ольга дочь моя, и моя забота одѣть и обуть ее, припасти ей денежку про черный день и благословить на новый путь жизни!»

Смарагдъ отыскалъ также бывшаго односума своего, барона, въ Севастополѣ, и нашелъ его въ самомъ жалкомъ положеніи. Тяжкія раны и Сухумская лихорадка истощили жизненные силы; онъ принужденъ былъ покинуть плацъ—маіорское мѣсто свое, перенести щитъ и мечъ свой, шлемъ и наручни праматери Гертруды, въ Севастополь, въ первый и ближайшій портъ, и лежаль въ тѣсномъ, маленькомъ жильѣ уже почти на одрѣ смерти. Щитъ съ налокотниками и приборомъ висѣлъ уже не въ головахъ, а въ ногахъ барона, потому что голова у него

кружилась, когда онъ взглядывалъ на сокровища эти назадъ, черезъ себя. Баронъ сдѣлался слабоуменъ, почти помѣшался на любимыхъ игрушкахъ своихъ — деньщикъ его, знаменитый Кирюшка, запиль, покинувъ барона на произволъ судьбы — словомъ, Поцѣлуевъ и тутъ явился спасителемъ и утѣшителемъ, пристроилъ хожалку къ бѣдному барону и доставилъ ему, на все время болѣзни, столь отъ Пименцова. Гордость барона этимъ не оскорбилась: онъ воображалъ, что все это дѣлается на собственный его счетъ и благодарилъ только Поцѣлуева за хлопоты его и беспокойство. Баронъ былъ очень счастливъ, что нашелъ наконецъ въ Поцѣлуевѣ благороднаго, признательнаго человѣка; такъ толковалъ покрайней мѣрѣ Губертъ Рудольфовичъ заботы о себѣ Смарагда. Между тѣмъ, все основывалось на томъ, что Поцѣлуевъ открылъ случайно настоящій источникъ и виновника Николаевскихъ сплетней, относительно извѣстнаго похожденія съ Надей, въ домѣ у совѣтника; жалѣль о томъ, что слишкомъ

торопко оскорбиль барона, не узнавши напередъ дѣла, и хотѣль это чѣмъ нибудь вознаградить.

Подвѣнечное, бѣлое платье и фата были Ольгѣ необыкновенно къ лицу. Списать съ нея поличіе, особенно чернилами и тупымъ перомъ своимъ, — которое я, мимоходомъ сказать, въ продолженіе этой послѣдней главы повертываю уже въ третій разъ съ боку на бокъ, на себя и отъ себя очинкой — списать съ нея поличія не берусь; скажу однако же, что хотя она была почти также темноволоса и черноброва какъ Марія, вовсе однако же на нее не походила. Ольга, какъ дѣва горъ, была выше, стройнѣе, въ ней не было и слѣду этой плотности, чтобы не сказать тучности стана, которую найдете, болѣе или менѣе, у всѣхъ Гречанокъ, особенно у замужнихъ. Лице у нея было болѣе кругло-продолговатое, безъ всякой остроты подбородка; голова вообще какъ-то круглѣе, общая полнота въ высшей степени соотвѣтственная стану, складу и росту. Маленькия ножки надоѣли мнѣ, господа, во всѣхъ описаніяхъ вашихъ,

и потому я объ нихъ, о маленькихъ ножкахъ, говорить не стану.

Въ тотъ самый день, когда Ольгѣ исполнилось 20 лѣтъ, подруги ее убирали къ вѣнцу. Смарагдъ былъ семью годами старѣе; онъ одѣлся просто въ мундиръ, не припасъ даже шелковыхъ чулокъ и башмаковъ, не надушился и не завился. Пименцовъ былъ посаженымъ отцомъ, Маша вдѣвала невѣстѣ серги, а женихъ, сказываютъ, ступилъ въ церкви первый на подстилку.

В. ЛУГАНСКІЙ